

Театръ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ЖУРНАЛЪ
„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“.

Съ доставк. и пересылк.
на годъ 6 р., на полг. 4 р.
Отд. №№ продаются по 20 к.
Объявл.—20 к. со стр. пет.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:

Моховая, 45.

Отдѣленіе въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печниковой.

Рукописа, доставл. безъ обознач. гонорара,
считаются безплатными.

Мелкія рукописа не сохраняются.

Телефонъ ред. № 1669.

Искусство

1898 г. II-й годъ изданія.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 27-го Сентября.

СОДЕРЖАНІЕ: Отъ редакціи.—По поводу отмѣны монополіи варшавскихъ театровъ.—Выполненіе контрактовъ.—Русскіе водевилисты (продолженіе) Ю. И. Бяляева.—Проектъ авторскаго права на музыкальныя произведенія.—Сообщенія Русск. Театр. Общества.—Хроника театра и искусства.—Отзывы печати.—Новыя пьесы.—Театральныя замѣтки—А. К—елл.—О томъ, какъ я написалъ комедію нра-

№ 39.

вовъ—А. Дьянова.—Заграницей.—Провинціальная лѣтопись.—Репертуаръ.—Объявленія.—Рисунки: «Гелда». Портреты: Кн. Шаховскаго, Н. А. Полевого, Ж. Гадингъ (2 порт.), А. В. Амфитеатрова, Проф. Краснокутскаго, Ж. Кайнца и Ф. Ле-Борна.

Литературно-драматическій отдѣлъ: «Сплетня» (окончаніе) драма въ 4-хъ дѣйств. О. П. Верховской.

Принимается полугодная подписка на 1898 г.

НА ЖУРНАЛЪ

„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“

Цѣна на полгода (съ 1 іюля) со всѣми
приложеніями 4 р.

На годъ 6 р.

С. -Петербургъ, 27-го сентября.

Театральная жизнь Варшавы ознаменовалась важнымъ нововведеніемъ: отмѣной монополіи варшавскихъ правительственныхъ театровъ. Г. Пржибыльскому разрѣшена постройка и эксплуатація новаго театра, который, такимъ образомъ, явится первымъ частнымъ «зимнимъ» театромъ и первымъ частнымъ театральнымъ предпріятіемъ въ Варшавѣ. Отмѣну монополіи варшавскихъ правительственныхъ театровъ нельзя не привѣтствовать. Всякая монополія въ сферѣ искусства — мѣра нежелательная. Монополія въ театральномъ дѣлѣ зачастую является синонимомъ застоя: она парализуетъ всякую мысль о соревнованіи, исканіи новыхъ путей, притокъ свѣжихъ силъ. А что, какъ не соревнованіе таланта,—поэтическаго или сценическаго—безразлично,—вноситъ въ театральное дѣло жизни и движеніе, а стало быть, и интересъ публики къ искусству?

Всѣмъ памятно, съ какой радостью встрѣчена была въ 1881 г. отмѣна монополіи Императорскихъ театровъ, въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Покойный А. Н. Островскій привѣтствовалъ, дарованное Императоромъ Александромъ III, разрѣшеніе частной сцены, какъ величайшій для русскаго театра актъ власти. И эта мудрая мѣра, какъ и слѣдовало ожидать, не отозвалась неблагоприятно на финансовомъ оборотѣ казенныхъ театровъ. Публика еще сильнѣе стала интересоваться театромъ, о чемъ наглядно свидѣтельствуемъ настоящее положеніе, какъ Императорскихъ, такъ и частныхъ театровъ, въ обѣихъ столицахъ.

Но свобода [театра имѣетъ и свою отрицательную сторону: возможность спекуляціи въ театральномъ дѣлѣ, обращеніе театра въ коммерческое пред-

Совѣтъ, состоящаго подъ Августѣйшимъ Покровительствомъ Государя Императора, Русскаго Театральнаго Общества, въ засѣданіи своемъ 22 сентября сего года, постановилъ печатать распоряженія постановленія, циркуляры Совѣта и подвѣдомственнаго ему Бюро, а также иного рода документы записки и т. п., которые Совѣтъ признаетъ необходимыми предать гласности, въ журналъ „Театръ и Искусство“, о чемъ редакція извѣщена отношеніемъ за № 643.

Съ нынѣшняго номера мы открываемъ особый отдѣлъ для официальныхъ сообщений, исходящихъ отъ Совѣта Общества, который будемъ помѣщать предъ обычнымъ отдѣломъ „Хроники“. Ставя себѣ задачей возможно больше содѣйствовать распространенію свѣдѣній о дѣятельности Общества, мы просимъ органы, при перепечаткахъ изъ нашего изданія, дѣлать указанія на источникъ заимствованія, такъ какъ лишь тѣ сообщенія могутъ почитаться *вполнѣ достоверными*, которыя будутъ помѣщены въ упомянутомъ выше официальномъ отдѣлѣ, отведенномъ въ распоряженіе Совѣта Русскаго Театральнаго Общества.

пріятіе. Бороться съ этимъ явленіемъ необходимо. Театръ спекулянтвъ не только не служилъ высокимъ, образовательнымъ цѣлямъ искусства, но, въ погонѣ за рублемъ, потворствуя низменнымъ вкусамъ массы, такой театръ сознательно развращаетъ ее. Русская частная сцена, къ сожалѣнію, изобилуетъ примѣрами театральнаго спекуляціи, и можно только пожелать, чтобы свобода, дарованная варшавскимъ частнымъ театрамъ, достойно оправдала себя.

Рядомъ съ тѣмъ, вмѣстѣ съ заботами о процвѣтаніи польскаго театра въ Варшавѣ, какъ-то невольно напрашивается мысль о русскомъ театрѣ въ столицѣ Привислянскаго края. Обидно сознавать, что Варшава до сихъ поръ не имѣетъ русскаго театра и пользуется только временными наѣздами Императорскихъ и частныхъ артистовъ. Вопросъ о русскомъ театрѣ въ Варшавѣ возбуждается неоднократно, и пора бы рѣшить его въ утвердительномъ смыслѣ. Обычное возраженіе, что дѣло не окупится съ матеріальной стороны, едва ли уважительный доводъ: русскій театръ въ Варшавѣ обслужитъ такую великую службу, которая всегда съ лихвой окупитъ расходы по организации дѣла.

Наконецъ, съ отмѣною монополіи правительственныхъ варшавскихъ театровъ, быть можетъ, будетъ признано благовременнымъ причислить къ частнымъ театрамъ опереточный и предоставить польской опереткѣ устроиться самостоятельно. Самый же театръ, т. е. зданіе, отвести подъ русскіе драматическіе спектакли. Сколько намъ извѣстно, учрежденіе русскаго театра въ Варшавѣ тормозится именно вопросомъ о театральномъ зданіи. Во всякомъ случаѣ, русская драма въ Привислянскомъ краѣ, болѣе нуждается въ попеченіи, нежели польская оперетка, какимъ бы „сасчет“ ни отличалась грація польскихъ примадоннъ и ловкость краковской мазурки...

Нашъ ростовскій корреспондентъ пишетъ намъ: «Я къ вамъ прямо-таки съ жалобой. Замолвите словечко: пора выработать нормальный контрактъ. Пора прекратиться безобразіямъ, чинимымъ артистами. Вотъ вамъ яркій примѣръ. Нашъ Н. Н. Синельниковъ—можно быть какого угодно о немъ мнѣніи какъ о режиссерѣ или артистѣ,—платящій и честный антрепренеръ. Въ прошломъ году пригласилъ артиста—не пріѣхалъ. Въ нынѣшнемъ пригласилъ г. Рѣшимова и выслалъ ему авансъ. Тотъ—не пріѣхалъ, и остался на зиму въ одномъ изъ вашихъ петербургскихъ *soi disant* театровъ. Согласитесь, что при такихъ взглядахъ на обязательства, — трудно вести дѣло».

Вполнѣ соглашаемся. Но что же дальше? Не думаемъ, чтобы и нормальный контрактъ могъ помочь, разъ антрепренеры считаютъ для себя дозволеннымъ брать на службу актеровъ уже законтрактованныхъ, и даже не платя за нихъ неустойки и не возвращая авансовъ. Если гласность можетъ быть полезна, то мы охотно предоставимъ наши столбцы и будемъ публиковать фамилии актеровъ и антрепренеровъ, уклоняющихся отъ выполненія договоровъ, къ свѣдѣнію нашихъ читателей.

Отъ редакціи.

Въ Литературно-театральномъ отдѣлѣ № 10 будетъ напечатана новая драма Кн. Д. П. Голицына (Муравлина) и В. А. Тихонова „Баба“.

V.

Мы приходимъ къ Шаховскому. Это славное имя, окруженное цѣлой легендой, вызываетъ въ памяти много забытыхъ образовъ прошлаго и переноситъ насъ къ тѣмъ временамъ, когда на русской сценѣ, по словамъ Пушкина:

Вывелъ колкій Шаховской
Своихъ комедій легкій рои...

Шаховской—это олицетворенный *homme de théâtre*, какъ говорятъ французы. Въ немъ это было прирожденное и за всю свою многолѣтнюю жизнь, онъ только и добивался такого званія. Не легко оно досталось ему. Въ молодости, когда сама судьба сулила ему блестящую служебную карьеру, Шаховской пренебрегъ своимъ родствомъ и выгодными связями и предназначилъ себя скромную и неблагоприятную дѣятельность театральнаго администратора. Титуль и связи открыли ему двери театральнаго дирекціи, но на этомъ и закончилась его „карьера“, и титулованные родственники отвернулись отъ него, считая его потеряннымъ для общества. Здѣсь-то и сказался, главнымъ образомъ, характеръ Шаховскаго. Будущее мало сулило ему хорошаго. Скромная пенсія по службѣ, еще болѣе скромное авторское вознагражденіе и званіе автора, пережившаго свой успѣхъ, вотъ чѣмъ грозила ему впослѣдствіи жизнь, но Шаховской не убоился этихъ угрозъ и смѣло принялъ вызовъ враговъ. А ихъ у него было не мало.

На страницахъ исторіи русскаго театра мы безпрестанно встрѣчаемъ имя Шаховскаго. Весь Александровскій періодъ полонъ имъ: Шаховской—директоръ театра, Шаховской—режиссеръ, Шаховской—историкъ театра, критикъ, оригинальный писатель, испробовавшій себя во всѣхъ родахъ писанія, — можно смѣло сказать, что не было спектакля, въ которомъ бы не принималъ участія Шаховской. Ему главнымъ образомъ, обязано своимъ существованіемъ и театральное училище, потому что онъ прежде всѣхъ вѣдѣлъ осмысленность въ преподаваніи наукъ и искусствъ театральнымъ питомцамъ, первый организовалъ курсы литературы, сперва у себя на дому, а потомъ и въ классахъ училища. Цѣлое поколѣніе артистовъ обязано ему своимъ воспитаніемъ, такъ какъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, выросло подъ его непосредственнымъ надзоромъ, пользуясь его радужнымъ хлѣбосоольствомъ, вмѣсто скудныхъ казенныхъ харчей. Но не только матеріальной стороной своего существованія обязаны ему русскіе актеры. Шаховской, какъ мы уже замѣтили выше, былъ идеальнымъ режиссеромъ. Въ бытность свою начальникомъ репертуара, Шаховской, можно сказать, истязалъ актеровъ безпрестанными считками и речетниціями. Самъ онъ принадлежалъ душою и тѣ-

*) См. №№ 31, 32, 33 и 35.

П. П. Шиховский

Князь Шаховской.

ломъ этой, такъ сказать, черновой части дѣла. Когда съ репетиціями дѣло было покончено, не мало хлопотни предстояло по монтировочной части: нужно было самому приказывать, куда поставить какое-нибудь дерево или колонну въ храмъ индійскаго бога, слѣдить за костюмеромъ и самому пробовать освѣщеніе, состоявшее тогда изъ скудныхъ лампочекъ, размѣщенныхъ вдоль лампы и боковыхъ кулисъ. И вотъ почему мы видимъ иногда Шаховскаго внѣ себя. Человѣкъ терялъ всякое самообладаніе, горячился, ругался самыми послѣдними словами, тусилъ плотника и въ порывѣ экстаза кричалъ подслѣпаватой лампѣ:

— Матушка, да не туда ты свѣтишь!..

Одною изъ услугъ, которыя въ изобиліи рстачалъ русскому театру этотъ оригиналъ, было то, что онъ сообщалъ водевилю тотъ легкій, поверхностный стиль, котораго ему не доставало, и безъ котораго онъ плохо прививался на русской сценѣ. Какъ и Княжанинъ, Шаховской, никогда не думалъ специализировать себя въ этой области. Водевилъ интересовалъ его не болѣе, чѣмъ драма, комедія, комическая опера и т. д., но природное чутье и воспримчивость сдѣлали то, что онъ первый угадалъ, что надо водевилю, чтобы доставить ему успѣхъ у публики. Онъ нашелъ форму, нашелъ исполнителей, и, заставъ въ суфлерскую будку, самъ началъ руководить спектаклями, приучая русскую публику къ новому жанру пьесъ.

Водевилей у Шаховскаго немного, и достаточно взять любой изъ нихъ, чтобы составить себѣ полное понятіе о пріемахъ его творчества и о его личныхъ взглядахъ на водевилъ, какъ на литературное произведеніе. Онъ пользовался имъ двойкою: или для доставленія себѣ легкой славы, въ качествѣ ловкаго перекраивателя скрибовскихъ водевилей, или для своихъ политическихъ счетовъ, какъ ловкимъ и наиболѣе безобиднымъ оружіемъ противъ литературныхъ враговъ, вроде Полевого. Въ послѣднемъ случаѣ нужно было въ совершенствѣ владѣть формой, чтобы стрѣлы доходили по назначенію. И здѣсь-то, главнымъ образомъ, и проявляется блескъ и юмористическій задоръ Шаховскаго.

Его водевилъ „Новости на Парнаѣ или Торжество Музъ“ произвелъ въ партерѣ настоящую багалью. Дѣло въ томъ, что водевилъ этотъ, написанный въ подражаніе и осмѣяніе водевиля Н. П.

Хмельницкаго „Новая шалость или Театральное сраженіе“, шедшаго съ большимъ успѣхомъ на Александринской сценѣ, имѣлъ цѣлю указать публикѣ на ея заблужденіе. Вотъ что поетъ Водевилъ, очутившись въ обители музъ:

Ну теперь не страшны мнѣ
Классиковъ и крикъ и ярость,
Гдѣ же Музы?.. А, овѣ
Молодая дѣвичья старость...
Кажется, ихъ слышу гласъ...
Нѣтъ, шумятъ съ мужичкой дама...
Бога! лѣзутъ на Парнасъ
И Журналы, и Мелодрама.

Эти куплеты Водевиля безпрестанно прерываются припѣвомъ: „трапа деридера“, заимствованнымъ изъ вышеупомянутаго водевиля Хмельницкаго. Разумѣется, публика — къ слову сказать, отличавшаяся въ то время крайней партійностью, — узнала; въ чей огородъ закидываются камешки и отомстила Шаховскому за своего любимца Хмельницкаго единодушнымъ шиканіемъ. Впрочемъ, это не единственный неприятный случай въ жизни Шаховскаго, были пораженія еще болѣе чувствительныя, но онъ относился къ нимъ съ удивительнымъ хладнокровіемъ, терпѣлъ ихъ, и не разу не отступилъ отъ намѣченнаго пути.

Первый водевилъ Шаховскаго „Казакъ-стихотворецъ“, написанный въ эпоху отечественной войны, очень шелькъ къ тогдашнему движенію умовъ и былъ восторженно принятъ публикою. Всѣ дальвѣйшіе водевилы Шаховскаго, не исключая и переводныхъ — всѣ они болѣе или менѣе носятъ на себѣ временной характеръ и для насъ имѣютъ черты полнаго анахронизма. Онъ писалъ политическіе и патриотическіе водевилы, гдѣ самый пустяшный анекдотъ изъ жизни общественнаго дѣятеля или героя принималъ подъ перомъ Шаховскаго живую и увлекательную форму. Таковы его водевилы: „Федоръ Григорьевичъ Волковъ“, „Встрѣча незваныхъ“ и т. п. Шаховской былъ прежде всего „человѣкомъ театра“, и вездѣ, въ подражаніяхъ Скрибу и другимъ французскимъ водевилстамъ, въ безчисленномъ множествѣ веселыхъ, остроумныхъ комедій, онъ главнымъ образомъ, обращалъ свое вниманіе на то, чтобы дать зрителю интересное и увлекательное зрѣлище. Разбирать его водевилы въ отдѣльности не зачѣмъ: всѣ ови снаб-

Н. А. Полевой.

жены клеймомъ своего фабриканта, всѣ смотрятся очень весело и быстро вылетаютъ изъ памяти. Успѣхъ, сопровождавшій ихъ въ былое время, долженъ быть отнесенъ всецѣло къ ловкому построению, къ типичнымъ характеристикамъ дѣйствующихъ лицъ, бойкому, хлесткому стиху куплетовъ. Собственно говоря, Шаховской отчасти оказалъ очень плохую услугу водевилю тѣмъ, что сообщая этому жанру легкой поверхностный характеръ, приобщивъ его только къ современнымъ интересамъ и т. д. Но такова была мода. Всѣ французскіе водевили посвяты на себѣ тотъ же самый характеръ, производя въ общемъ впечатлѣніе шумной, жизнерадостной бляги, на которую никто не сердится. Шаховской—режиссеръ всегда слѣдовалъ за Шаховскимъ-драматургомъ. Отлично зная свою армію, Шаховской и съ этой стороны не могъ разсчитывать, когда либо олицетворять свои грандіозные замыслы въ области театра. Русскій театръ все еще находился подъ живымъ впечатлѣніемъ традицій Гнѣдича, населившаго сцену ходульными героями. Сестры Семенова, Сандунова, и др., всѣ онѣ были мало пригодны для водевиля; приходилось подумать о новобранцахъ. И вотъ мы видимъ Шаховскаго, съ упорнымъ рвеніемъ вербующаго новыя драматическія силы, между которыми попадаютъ имена, украсившія потомъ русскую сцену: Сосницкій, Бобровъ, Валберхова, Дюрова и многіе др.—все это были ученики Шаховскаго.

Режиссерскій идеалъ стараго театралы былъ таковъ: уорядочить антуражъ и дать такъ называемому „среднему“ актеру, хорошую школу. Собственно говоря, всѣ пьесы Шаховскаго это—пьесы ансамбля. Большимъ самобытнымъ дарованіемъ въ нихъ дѣлать нечего. Это тоже плохая услуга нашему театру, но въ то же время и большой подарокъ. Русская сцена изстари игнорировала антуражъ и тяготѣла къ отдѣльнымъ единицамъ. Шаховской, взявъ въ руки бразды правленія, поведъ дѣло иначе. Онъ наблюдалъ за правильнымъ распредѣленіемъ ролей, за тщательной репетицией пьесы и главнымъ образомъ добивался того, чтобы каждое дѣйствующее лицо занимало на сценѣ свое мѣсто и, такъ сказать, дополняло бы другъ друга. Оттого при Шаховскомъ средній актеръ возросъ до артиста. Были въ числѣ ихъ такіе, которые, всю жизнь играли лакеевъ или приживалокъ и которые, уйдя въ могилу, оставили послѣ себя незаполненую пустоту.

Съ Шаховскимъ мы встрѣтимся еще въ слѣдующихъ главахъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Юрій Бѣляевъ.

Проектъ авторскаго права на музыкальныя произведенія.

Проектъ авторскаго права на музыкальныя произведенія, какъ мы слышали, вполнѣ законченъ и препровожденъ въ редакціонную комиссію по составленію гражданскаго уложенія. Предположенія эти должны быть внесены въ Государственный Совѣтъ еще въ нынѣшнемъ 1898 году и заключаются въ слѣдующемъ. Подъ авторскимъ правомъ на музыкальное произведеніе разумѣется исключительное право композитора на изданіе и публичное исполненіе своего произведенія. Оно можетъ принадлежать какъ русскому подданному, такъ и иностранцу (въ первомъ случаѣ мѣстомъ изданія можетъ быть и Россія, и заграница, во второмъ—только Россія). Право на музыкальное произведеніе, отчуждаемое вполнѣ или въ части, можетъ переходить къ наследникамъ по закону или по наследству и длится въ теченіи пятидесяти лѣтъ со дня смерти композитора, причемъ, однако, въ случаѣ отсутствія правопреемниковъ, всякій выравъ издывать или публично исполнять его сочиненія. Произведеніе, написанное по заказу, принадлежитъ также автору, если только заказчикомъ не будетъ выговорено противное. Всѣ консерваторіи, общества, учебныя и учебныя заведенія и т. п. учрежденія имѣютъ на изданныя или музыкальныя произведенія авторское право въ теченіи 50-ти лѣтъ со дня выхода ихъ въ свѣтъ, если, конечно, на нихъ не принадлежитъ и не принадлежитъ никому особое авторское право. Тотъ же срокъ считается даже для составителей сборниковъ народныхъ пѣсень, а также издателей періодическихъ музыкальных изданій; имъ, по проекту, дано исключительное право перепечатывать эти изданія въ той же формѣ. Только музыкальныя произведенія, выпущенныя подъ псевдонимами или вовсе анонимныя, пользуются охралою закона въ продолженіи 30 лѣтъ со времени изданія, если авторъ не заявитъ на него своихъ правъ.

Таковы положенія о субъектахъ авторскаго музыкальнаго права. Что касается *объектовъ* его, то проектъ разсматриваетъ: изданіе сокращеній, извлеченій, поупри и всякаго рода переложенія для отдѣльныхъ инструментовъ или цѣлаго оркестра, которое принадлежитъ исключительно композитору. Не признается (§ 11) нарушеніемъ чужаго авторскаго права: 1) изданіе варіацій, транскрипцій, фантазій, этюдовъ на цѣлое или часть чужаго музыкальнаго произведенія, или заимствованіе изъ него, если всѣ эти сочиненія настолько уклоняются отъ него, что могутъ быть разсматриваемы, какъ новое и самостоятельное музыкальное произведеніе, и 2) приведеніе въ видѣ примѣровъ отдѣльныхъ мѣстъ изданнаго или публично исполненнаго музыкальнаго произведенія со ссылкой на композитора ихъ. Мелодіи народныхъ пѣсень составляютъ, по проекту, общественное достояніе. Въ случаѣ обработки композиторомъ народныхъ мелодій, онъ имѣетъ авторское право на эту обработку, на тотъ новый видъ, который мелодіи приняла, но самыя мелодіи и послѣ того продолжаютъ составлять общественное достояніе.

Что касается авторскаго права на музыкальныя произведенія съ текстомъ, то таковое не только въ цѣломъ текстѣ вмѣстѣ съ музыкой, но и отдѣльно одинъ текстъ оперъ, ораторій, кантатъ и прочихъ музыкальныхъ произведеній, при отсутствіи спеціальнаго соглашенія съ авторомъ текста, принадлежитъ композитору. Даже переводъ текста музыкальнаго произведенія на другой языкъ, можетъ быть сдѣланъ лишь съ согласія композитора (§ 16). Онъ можетъ пользоваться всякимъ опубликованнымъ литературнымъ произведеніемъ подъ условіемъ изданія текста вмѣстѣ съ музыкой и обозначенія автора перваго. Исключенія составляютъ лишь концертныя программы, гдѣ текстъ можетъ быть помѣщенъ отдѣльно. Но спеціально написанными оперными ораторіальными и кантатными либретто композиторъ пользоваться не можетъ.

Одну изъ особенностей осуществленія авторскихъ правъ на музыкальное произведеніе составляетъ публичное исполненіе послѣдняго. Согласно проекту, музыкальныя произведенія, неизданныя или изданныя съ оговоркою на заглавномъ листѣ или въ заголовкѣ изданныхъ экземпляровъ его, что композиторъ оставилъ за собою право на разрѣшеніе публичнаго исполненія, не могутъ быть публично исполняемы безъ согласія композитора (§ 18). Уступка права на изданіе еще не заключаетъ въ себѣ разрѣшенія на публичное исполненіе музыкальнаго произведенія (§ 19). Для публичнаго исполненія музыки съ текстомъ, достаточно разрѣшенія одного композитора. Отъ послѣдняго же зависитъ публичное исполненіе музыкальнаго произведенія его даже на инструментахъ съ механическою передачею звуковъ—на органахъ съ валамп, оркестрахъ, тармангахъ и т. п.

За контрафакцію признаются слѣдующіе совершенные самовольно, безъ согласія композитора, поступки: а) издание или воспроизведеіе какимъ бы то ни было способомъ (даже списываніемъ) музыкальнаго произведенія, если это сдѣлано не для собственнаго употребленія; б) выпускъ, большаго противъ договора и количества изданій или экземпляровъ или выпускъ по истеченіи договорнаго срока; в) самовольное сокращеніе, добавленіе или измѣненіе при изданіи; г) издание или воспроизведеніе произведеннаго безъ разрѣшенія композитора сокращенія, измѣненія, попури изъ его музыкальнаго произведенія, или переложенія его, въ цѣломъ или частіи, на инструменты или цѣлый оркестръ, или на голоса; д) самовольное изданіе оперныхъ либретто, какъ въ сокращеніи, такъ и въ переводѣ; е) помѣщеніе въ періодическихъ изданіяхъ, сборникахъ, собранияхъ сочиненій, хрестоматіяхъ и т. п., хотя бы составленыхъ съ научною или учебною цѣлью, всего музыкальнаго произведенія или его частіи (кроме вышеупомянутыхъ случаевъ—приведенія въ видѣ примѣровъ отдѣльныхъ мѣстъ музыкальнаго сочиненія). Такимъ же послѣдствіемъ, какъ и за контрафакцію, проектъ подвергается: а) продажу въ Россіи заграничнаго изданія такого музыкальнаго произведенія, которое уже было издано въ Россіи, и б) самовольное публичное исполненіе музыкальнаго сочиненія, не изданнаго или изданнаго съ оговоркой композитора, что оно оставляетъ за собою разрѣшеніе на публичное исполненіе его.

Какія же мѣры наказанія предлагаются составителямъ проекта за контрафакцію и недозволенное публичное исполненіе музыкальнаго произведенія? Независимо отъ уголовнаго наказанія и вознагражденія за убытки, всѣ экземпляры сочиненій, доски, стереотипы и, вообще, орудія незаконнаго производства могутъ быть, по требованію потерпѣвшей стороны, подвергнуты уничтоженію или переданы ей по оцѣнкѣ въ возмѣщеніе убытковъ. Право на искъ о нарушеніи авторскаго музыкальнаго права погашается пятилѣтней давностью со времени нарушенія, но искъ объ отобраніи незаконно изданныхъ экземпляровъ сочиненій и орудій незаконнаго производства можетъ быть предъявленъ въ предѣлахъ всего срока авторскаго права.

„За самовольное публичное исполненіе музыкальныхъ произведеній (въ театрѣ, концертѣ или, вообще, передъ публикой)“,—гласитъ послѣдній (§ 36) параграфъ проекта—„виновные въ томъ могутъ быть, по требованію композитора или его правопреемниковъ, подвергнуты такому же уголовному наказанію, какъ за контрафакцію и, сверхъ того, обязаны уплатить въ пользу композитора или его правопреемника двоякую сумму валового сбора, полученнаго за представленіе или концертъ, въ которомъ музыкальное произведеніе незаконно исполнено. Если вмѣстѣ съ самовольно исполненнымъ музыкальнымъ произведеніемъ исполнялись еще другія произведенія, то размѣръ взысканія опредѣляется по усмотрѣнію суда“ (§ 36).

Къ обсужденію иныхъ изъ приведенныхъ предположеній мы обратимся въ непродолжительномъ времени.

Сообщенія Русскаго Театральнаго Общества.

Въ засѣданіи Совѣта Общества 22 сентября почетный членъ Общества А. А. Потѣхинъ подалъ заявленіе объ отказѣ отъ обязанностей Предсѣдателя Общества.

Доложено отношеніе харьковскаго агента Е. М. Бабцаго о болѣзни Н. А. Самойлова-Мичуринна съ приложеніемъ письма въ редакцію „Харьков. Губ. Вѣд.“. Приводимъ это письмо.

М. г., г. редакторы! Въ „Астрах. Вѣстн.“ и „Приди. Краѣ“ были помѣщены замѣтки о бѣдственномъ положеніи артиста Н. А. Самойлова-Мичуринна, нуждающагося въ общественной благотворительности. По словамъ „Астр. Вѣстн.“, г. Самойловъ-Мичуринъ, вслѣдствіи матеріальной крайности, помѣщенъ въ г. Царицынѣ въ больницу и нуждается въ самомъ необходимомъ.

Оставленіе въ безпомощномъ положеніи сценическаго дѣтеля, а тѣмъ болѣе виднаго, владеть неблагоприятную тѣнь на дѣятельность русскаго театральнаго общества.

Ради избавленія общества отъ упрековъ въ подобномъ

равнодушіи къ большому и нуждающемуся артисту, считая необходимымъ исправить тѣ неточности, которыя допущены названными газетами въ сообщеніи о г. Самойловѣ-Мичуринѣ.

Въ г. Царицынѣ г. Самойловъ-Мичуринъ въ больницу не былъ: онъ пользовался достаточно внимательнымъ уходомъ на своей квартирѣ, подъ наблюденіемъ близкихъ и преданныхъ людей. Въ марѣ и апрѣлѣ этого года г. Самойловъ-Мичуринъ получилъ отъ А. Н. Дюковой, авторки оперныи нашей драматич. труппы, пять сотъ рублей, по 250 руб. въ два присыла; кроме того г. Самойловъ-Мичуринъ имѣлъ еще и другіе ресурсы, онъ нѣсколько разъ выступалъ въ Царицынѣ за приличное вознагражденіе. Въ Харьковѣ артистъ былъ доставленъ тѣло большимъ и помѣщенъ въ „Астрах. гостиницѣ“, а затѣмъ ему вѣяло управляющимъ театра г-жи Дюковой Г. А. Корневымъ, помѣщеніе въ квартирѣ одного врача, на что г-жа Дюкова выдала, также авансомъ, еще 75 руб. Большаго артиста посѣщаетъ ежедневно театральныи врачъ Н. С. Акименко, а необходимыи врачевныи пособія всегда имѣются. При больномъ безотлучно находится преданныи человекъ, уходъ котораго облегчаетъ его тяжкое положеніе.

Примите и проч.

Агентъ русскаго театральнаго общества, въ г. Харьковѣ
Е. Вабецкій.

Помятка совѣта: Н. А. Мичуринъ-Самойловъ членомъ общества не состоитъ.

Экстренное общее Собраніе назначается въ субботу 17 октября въ часъ дня въ фойе Александринскаго театра.

Предметъ запятій: 1) Выборъ Предсѣдателя Совѣта, вѣсто отказавшагося не болѣзни А. А. Потѣхина. 2) Выборъ членовъ Ревизионной Комисіи и Кандидатовъ къ нимъ. 3) Предложеніе Совѣта объ избраніи и утвержденіи почетныхъ членовъ Общества. 4) Докладъ о дѣятельности Комисіи по организаціи I-го Всероссийскаго Съѣзда и по переработкѣ Устава. 5) Предложеніе Совѣта объ асигнованіи изъ средствъ Общества сверхсѣтной суммы для покрытія неотложныхъ расходовъ по исполненію проектовъ и работъ Комисіи: по I-му Всерос. Съѣзду и по переработкѣ Устава.

ХРОНИКА

театра и искусства.

Открытіе московскаго убѣжища для престарѣлыхъ артистовъ и ихъ семействъ имени Императора Александра III послѣдуетъ въ октябрѣ. Помѣщеніе для убѣжища свято на Лужинковой улицѣ, въ домѣ А. А. Бахрушина, пзвѣстнаго собирателя театральныхъ коллекцій. Этотъ домъ нѣкогда принадлежалъ городскому головѣ Королеву, имѣвшему счастье въ стѣнахъ его принимать Императора Александра II.

Первоначально предполагается открыть убѣжище на десять человекъ, причемъ восемь кандидатовъ уже имѣются. Свѣтое же помѣщеніе, удовлетворяющее всѣмъ нуждамъ убѣжища, можетъ свободно вмѣстить до 20 человекъ.

Комитетъ по устройству убѣжища располагаетъ въ настоящее время капиталомъ свыше 50.000 рублей.

Между почитателями артистки Императорскаго Малаго театра М. Н. Ермоловой возникла мысль учредить въ убѣжищѣ кровать ея имени. Къ собиранію необходимой суммы приступлено, причемъ уже составилось до 500 рублей. Инициаторы А. А. Бахрушинъ и Н. И. Музиль задались мыслью привлечь, какъ можно болѣе почитателей артистки къ участію мелкими суммами въ учрежденіи кровати въ убѣжищѣ.

* * *

6 декабря нынѣшняго года исполняется 20-лѣтіе оперы „Евгеній Онѣгинъ“. Въ московской консерваторіи—и-

Г-жа Жанна Гадингъ.
(Къ ей гастрольнѣ въ Россіи).

метъ проф. Н. Д. Камкичъ—былъ обычай, свято соблюдаемый и до сихъ поръ, въ день именинъ Н. П. Рубинштейна устраивать въ видѣ именниннаго подношенія, спектакль или музыкальный вечеръ. Для 6 декабря 1878 года на крохотной консерваторской сценѣ вознамѣрились исполнить часть оперы „Евгеній Онѣгинъ“, только что законченной композиторомъ. „Задача была очень трудная для учениковъ,—говоритъ г. Камкичъ,—а въ то же время всѣмъ хотѣлось выиграть ее сколь возможно лучше. Исполнители были напѣченны, партіи розданы, и стѣны консерваторскихъ классовъ стали оглашаться звуками новой оперы. Всѣ привадились за работу съ необычайнымъ рвеніемъ. Альбрехтъ, Губертъ и Самаринъ были въ этомъ случаѣ главными работниками: имъ удалось къ 6 декабря 1878 года приготовить и поставить на сценѣ консерватории первый актъ оперы“.

Таковъ былъ первый спектакль оперы Чайковского. Затѣмъ, въ мартѣ 1879 года, опера вся была исполнена на консерваторскомъ спектаклѣ въ Маломъ театрѣ; впервые на Императорской сценѣ московскаго Большаго театра она была поставлена только въ 1880 году. Въ Петербургѣ же опера „Евгеній Онѣгинъ“ появилась на сценѣ Мариинскаго театра лишь пять лѣтъ спустя, въ 1884 году.

Намъ пишутъ изъ Москвы. *Большой театръ.* Назначенная на 15 сентября гастроль гг. Тартакова въ „Таугейзеръ“ не состоялась по болѣзнѣ гастролера. Въ партіи Вольфрама выступилъ пражскій ея исполнитель г. Орловъ. Публика, переносившая театръ, осталась разочарованной. 28-го ожидается гастроль г-жи Фриде, которая выступитъ въ Генрихѣ VШ.

Малый театръ. Первая новинка—дамская пьеса „Муравейникъ“ г-жи Смирновой, несмотря на старанія (?) артистовъ, не имѣла успѣха.

Новый театръ. Репертуаръ представлялъ въ своемъ родѣ окрошку: „Термидоръ“ (успѣха никакого), „Откуда сыръ-боръ загорѣлся“, „Гроза“, „Дитя“, „Лѣсъ“. Сбори средние. Изъ молодежи заслуживаютъ полваго вниманія гг. Мадаринъ, Васильевъ, Парамановъ; г-жи Полякова, Турчанинова и Яблочкина. Крайне жаль, что въ веденіи дѣла нѣтъ опредѣленной системы.

Театръ Корша. Труппа обновлена двумя персонажами: г. Чипаровымъ—изъ киевской труппы г. Соловцова и г. Николынымъ. Г. Чипаровъ—удачное приобретеніе для труппы—актеръ веселый и жизнерадостный. Г. Николынь, видимо, отсталъ отъ сцены. Первая новинка „Контролеръ сильныхъ вагоновъ“ дѣлаетъ полные сборы. Вторая новинка „Невольники рубля“ успѣха не имѣла. Возобновлены „Два подростка“ съ новыми исполнительницами главныя роли—г-жей Кварталовой-Клодиче и Музиль-Бороздипой-Фавфанъ. Обѣ прекрасно справились со своими ролями и имѣли крупный успѣхъ.

Зимній театръ-буффъ. Дирекція П. Омова. Открытіе 20 сентября. Театръ роскошно отдѣланъ заново. Для открытія поставлены были „Корневильскіе колокола“ съ дебютанткой г-жею Фриде въ партіи. Сборъ переполненный,—аванслагъ. 21-го поставлена была новая комическая опера „Укрощеніе строптивыхъ невѣстъ“ Вавбергера, въ которой наибольшій успѣхъ имѣлъ талантливый простакъ труппы г. Эспе.

Интернаціональный театръ. Оперетка. Дирекція Н. П. Никитиной. Открытіе 20-го сентября. „Цыганскій ба-

ронъ“ (1 актъ) и „Наши донъ-жуаны“. Сборъ хороший. Успѣхъ полный. Срепетовка прекрасная, къ которой настѣ давно приучилъ г. Блюменталь-Тамаринъ. Въ труппѣ старые знакомые: гг. Свѣтлановъ, Бураковский, Форесто, Стрѣльниковъ; г-жи Милотина, Вѣльская. Никитина и Лаврова.

Въ перспективѣ еще два открытія. 14 октября—общедоступный театръ гг. Станиславскаго и Немировича-Даченко и Русская Частная опера г-жи Винтеръ, администраторомъ и главнымъ режиссеромъ которой приглашенъ М. В. Лентовскій. Театру гг. Станиславскаго и Немировича-Даченко и некоторые предсказываютъ позитивную неудачу. Однако, едва ли это такъ. Театръ можетъ завоевать симпатіи публики. Мнѣ пришлось быть на двухъ репетиціяхъ генеральныхъ—такую обстановку, такой ансамбль и видѣлъ только у мейнингенцевъ. *Москвитинъ*

* * *

Въ московской оперѣ „Волшебный Стрѣлокъ“ пойдетъ на сценѣ Большаго театра 10 октября, главнымъ партіи поручены г-жамъ Деина-Сюницкой, Эйхенвальдъ и гг. Кошницю, Трезвинскому и Раздольскому. Начались репетиціи „Гугенотовъ“, которые будутъ возобновлены въ октябрь, и оперы „Ночь подъ Рождество“ Римскаго-Корсакова, первое представленіе которой предложено 25-го октября. Въ оперѣ Римскаго-Корсакова всѣ главные партіи будутъ имѣть дублеровъ; кто же изъ артистовъ будетъ пѣть на первомъ представленіи—это рѣшитъ самъ авторъ, который, по приглашенію дирекціи, придетъ въ Москву въ непродолжительномъ времени и приметъ участіе въ руководствѣ репетиціями.

4 октября вмѣстѣ съ билетомъ „Коппелія“ пойдетъ одноактный балетъ „Палда и Рыбакъ“ съ г-жой Гельцеръ въ роли Ундины; предполагалась постановка балета „Очарованный Лѣсъ“ не состоялся, вслѣдствіе того, что ноты для этого балета до сихъ поръ не получены.

Въ Маломъ театрѣ заняты репетиціями „Волшебной Сказки“, первое представленіе которой состоится 2 октября. Въ этой пьесѣ роли поручены: г-жамъ Садовской, Лепковской, Поляковой, Каратыгиной, Яблочкиной и гг. Юнну, Макшееву, Рыжову, Федотову, Садовскому, Ильинскому и Рыбкову.

Послѣ пьесы г. Потапенко ближайшею новинкой будетъ четырехактная драма Е. П. Карнова — „Мирская Вдова“, первое представленіе которой предложено 21 октября. Въ Москвѣ роль „Мирской Вдовы“ Ульяны будетъ играть М. Н. Ермолова. Остальные главные роли поручены г-жамъ Ивановой, Садовской, Каратыгиной и гг. Рыбкову, Макшееву и Садовскому.

Послѣ „Мирской Вдовы“ займется комедіей Зудермана „Счастье въ уголѣ“, которая пойдетъ для бенефиса А. П. Ленскаго.

* * *

Московская балерина г-жа Рославлева и нѣсколько выдающихся артистокъ и артистовъ петербургской балетной труппы, между ними г-жа Преображенская, приглашены танцовать во время Великаго поста въ Лейпцигъ, въ мѣстный оперный театръ.

* * *

Г-жа Жанна Гадингъ.
(Къ ей гастрольнѣ въ Россіи).

А. В. Амфитеатровъ.
Директоръ «Русскаго театра».

Какъ извѣстно, въ составѣ петербургской казенной драматической труппы имѣется большое количество актеровъ и актрисъ, сидящихъ обыкновенно безъ дѣла и исполняющихъ выходныя роли. Большинство изъ нихъ молодые люди, страстно жаждущіе показать себя. Играть на сторовѣ имъ „строжайше запрещено“ подѣ угрозой штрафа. Съ удовольствіемъ отмѣчаемъ, что вышннее режиссерское управленіе мало-по-малу привлекаетъ къ участию въ спектакляхъ способную молодежь. Такъ, напримеръ, 18 сентября была поставлена въ Александринскомъ театрѣ, извѣстная сцена покойнаго И. О. Горбунова „На рѣкѣ“. Исполнители (кроме гг. Пачина 1 и Шаповаленко) явились гг. Павелъевъ, Крюковъ, Израилевъ, Усачевъ, Волковъ и г-жа Налъханова. Къ чести молодыхъ артистовъ, надо сказать, что пьеса прошла очень живо. Гр. В.

Въ казанскихъ газетахъ напечатано слѣдующее объявленіе М. М. Бородай по поводу извѣстнаго нашимъ читателямъ столкновенія съ театральною комиссіею, присланною по телеграфу изъ Саратова:

„Въ виду сомнѣній, высказанныхъ театральною комиссіею относительно достоинства новыхъ лицъ, приглашенныхъ для пополненія труппы, сформированныхъ для Казани — Саратова на текущій сезонъ, не откажите помѣстить въ вашихъ газетѣ отзывы саратовской прессы за 4-е сентября, аттестующей выступившихъ въ первыхъ трехъ спектакляхъ новыхъ артистовъ и мое завршеніе въ томъ, что бывшіе недавніе любимцы казанской публики замѣнены надлежащимъ образомъ, а въ общемъ труппа наступающаго сезона гораздо полнѣе и сильнѣе предыдущихъ. Если же имена Соколовскаго, Соколова и Лидиной не извѣстны Казани, то же можно было сказать и о показанныхъ ей впервые мною же Шуваловѣ, Недзиппѣ и Самойловѣ. Имя же Немировой извѣстно и можетъ служить украшеніемъ всякой образцовой труппы. О достоинствахъ этихъ артистовъ я надѣюсь представить постановленіемъ саратовскаго театральнаго комитета. Оперная труппа, имѣющая въ своемъ составѣ Виноградова, Брыкина, Эйгенъ, Левандовскую, Тарасова, Агульникова, и другихъ, уже приобрѣвшую солидную популярность въ Петербургѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Тифлисѣ, и молодыхъ извѣстныхъ своими выдающимися голосами, а также образцовый хоръ, оркестръ, балетъ и популярнѣйшихъ канцельмейстера и режиссера, надѣюсь сумѣютъ доказать правдивость моихъ завршеній. Прощу довѣрія и вниманія казанской публики къ достоинству и добросовѣстной дѣятельности сформированныхъ мною товариществъ. Бородай“.

Въ московскую консерваторію въ настоящемъ году было подано 214 прошеній о желаніи поступить въ число учащихся. Изъ этого числа принято по вступительному экзамену 122, т. е. 57% всѣхъ экзаменовавшихся. По специальнымъ предметамъ все количество принятыхъ распредѣ-

ляется слѣдующимъ образомъ: фортепiano—59, пѣніе—33, скрипка—9, коветробасть—5, труба—3, кларнетъ, вальторна и тромбонъ— по 2, виолончель, гобой, флейта и арфа—по одному. Въ классѣ теоріи поступили двое.

На будущей недѣлѣ въ театрѣ Литературно-артистическаго кружка (Малый театр) возобновляются «Трильби» и «Потопившій колоколъ». Въ послѣдней, въ роли литейщика Генриха, выступитъ не безызвѣстный провинціальный артистъ г. Россовъ. Въ настоящее время дѣятельно идетъ репетиція трагедій А. К. Толстого «Царь Ѳедоръ Иоанновичъ», постановка которой предполагается не позднѣе первой половины предстоящаго октября. Ближайшими новинками будутъ двухъ-актная драма г-жи Шевичъ «Анна Ивановна», переводная въ одномъ дѣйствіи пьеса «Послѣдній гость» и извѣстная комедія Гольдона «Вѣр». Эти три вещи будутъ даны въ одномъ спектаклѣ, который предполагается на 5-е октября. Въ пьесѣ г-жи Шевичъ состоится дебютъ приглашенной на драматическія роли г-жи Налъби.

Городское попечительство о народной трезвости для своихъ театровъ получило въ подарокъ отъ дирекціи Императорскихъ театровъ часть декораций и костюмовъ.

Намъ доставленъ слѣдующій курьезный «анонсъ» изъ г. Бахмута «За удаленіемъ товариществомъ изъ состава труппы г-жи Филипповой и г. Зарницкаго и признанія авторомъ А. В. Войтенко полной несправедливости своего произведенія вмѣсто назначенной пьесы «Остапъ Ключекъ» сегодня будетъ поставлена пьеса извѣстнаго драматурга В. Александрова «Пѣсь горя». Ответственнымъ распорядителемъ этого товарищества, у котораго, видимо, пошли «дѣла семейныя», состоитъ П. И. Охотинъ, а «помощникомъ режиссера», подписывающимся на афишѣ, А. И. Славскій. Что это за удаленіе? И зачѣмъ со всѣмъ этимъ знакомить публику?

Шлиссельбургскій и петергофскій театры на предстоящій зимній сезонъ сняты товариществомъ артистовъ, въ составъ котораго вошли: г-жи Дашкова (героиня), Зрудельская (grande dame и комическая старуха), Леханова (grande-dame), Меліна (ingénue dramatique, Топорская (ingénue comique), Марусина (бывшья роли, съ пѣніемъ) и г-жа Немерцалова (2-я роли); гг. Степановъ (драм. любовникъ), Тимиревъ (комикъ-буффъ и характ. р.), Николаевъ (простакъ съ пѣніемъ), Васильевъ (резонеръ), Улукановъ (фатъ), Алексѣевъ, Рубинъ и Лебедевъ—вторыя роли. Распорядительница Е. Л. Дашкова. Режиссеръ Н. С. Тимиревъ. Помощникъ режиссеръ Марченко. Суфлеръ Чулошниковъ. Предполагаемые репертуары: «Ложь», «Слѣдователь», «Золото», «На новыхъ началахъ», «Вавъ», «Въ старые годы», «Невольники рубля», «Свадьба Кречинскаго», «Бѣлопѣйка», «Клубъ холостяковъ» и др. Спектаклей въ каждомъ театрѣ будетъ 1—2 въ недѣлю. Открытіе сезона въ Шлиссельбургѣ 27 сентября.

Вслѣдствіе болѣзни г. Самойлова-Мичурина дирекція харьковскаго театра заключила контрактъ съ г. Сарматовымъ.

Намъ пишутъ изъ Кіева. Постройка городского театра быстро подвигается впередъ; стѣны зрительной залы уже выведены выше уровня грунта; число рабочихъ-каменщиковъ увеличено до 100 человекъ, подосчиковъ кирпичей до 50. Въ залѣ кіевскаго Литературно-Артистическаго Общества въ самомъ непродолжительномъ времени начнутся концерты и литературные вечера. Первый концертъ, скрипка И. В. Рогового, при участіи въкоторыхъ оперныхъ артистовъ Затѣмъ концертъ извѣстнаго кіевскаго скрипача М. Сикарда при участіи большого оркестра М. И. Черляховскаго.

Общедоступные народные концерты при участіи хора и оркестра графа А. Д. Шереметева предложено начать въ серединѣ октября. Репертуаръ будетъ отягачаться большимъ разнообразіемъ. Въ него включены по возможности произведенія всѣхъ русскихъ композиторовъ и наиболее выдающихся иностранныхъ. Готовятся большіе оперные отрывки. Цѣль программы—дать возможность массѣ ознакомиться въ разныхъ образцахъ съ обширною музыкальною литературою, какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ.

Предложено открыть абонементъ по весьма умеренной цѣнѣ.

Въ первомъ симфоническомъ собраніи Русскаго музыкальнаго общества приметъ участіе французскій скрипачъ Анри Марто. Юный артистъ (ему теперь 25 лѣтъ) считается на западѣ восходящею звѣздою. Первое собраніе состоится 24 октября.

Антонъ Контскій, извѣстный пианистъ, намѣренъ въ октябрѣ этого года концертировать въ Москвѣ и Петербургѣ. Контскій теперь старѣйшій изъ пианистовъ: онъ родился въ 1816 году въ сентябрѣ. Любопытный физиологическій курьезъ.

12-го сентября былъ подписанъ контрактъ между г. Соловниковымъ и дирекціей частной оперы г-жи Винтеръ, въ силу котораго театръ съ готовымъ отопленіемъ и освѣщеніемъ за 66 тысячъ руб. на два года переходитъ въ аренду оперы. Ремонтъ театра закарчивается; въ зрительной залѣ настлаются потолки. Открытіе спектаклей находится въ зависимости отъ заключеній комиссіи, которая будетъ осматривать театръ.

Въ «Пет. Газ.» находимъ слѣдующую замѣтку: «К. А. Скальковскій приготовляетъ къ выпуску въ свѣтъ книгу «Въ театральномъ мірѣ». Новый трудъ г. Скальковскаго, являющийся плодомъ его многолѣтней дѣятельности, какъ театральнаго критика (балетнаго?) и общающей быть очень интереснымъ, выйдетъ къ декабрю сего года».

Н. А. Римскій-Корсаковъ написалъ новое произведение: «Боярыня Шалого» на сюжетъ пролога «Исконянки» Мей, а г. Ц. Кюи переработалъ своего «Анжелю». Обѣ оперы, какъ говорятъ, ставятся зимою частной оперой.

Василеостровскій театръ, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, переходитъ также въ вѣдѣніе горюлкаго попечительства о народной трезвости.

Такимъ образомъ, достигнута полная централизація всѣхъ такъ называемыхъ народныхъ театровъ. Какъ мы слышали, министерствомъ финансовъ ассигнуется и на будущій годъ свыше 200,000 въ распоряженіе попечительства.

Намъ телеграфируютъ изъ Ростова, что 20 сентября въ театрѣ Асмолова состоялся первый выходъ г. Самойлова. Талантливый артистъ выступилъ, по своему обыкновенію, въ роли Незнамова. Успѣхъ былъ очень большой.

Г. Потапенко закончилъ новую пьесу «Тайна», которая въ непродолжительномъ времени пойдетъ на сценѣ «Русскаго драматическаго театра». Еще изъ области новинокъ. Въ бенефисъ г. Туганова въ театрѣ Корша, пойдетъ пьеса Вл. Азова «Рыбы золота». Новую пьесу изъ кафешантанной жизни закончилъ г. Протопоповъ. На сценѣ театра Литературно-артистическаго Кружка пойдетъ двухактная пьеса г-жи Шевиль.

Народный театръ въ Таврическомъ саду. Директоръ народныхъ театровъ Н. О. Сазоновъ почти закончилъ ангажементы. Жалованья, предложенныя артистамъ, небольшія, но если принять во вниманіе годовую службу (съ 1 сентября 1898 г. по 1 сентября 1899 г.), то станеть понятнымъ тотъ наплывъ артистовъ, которые желаютъ попасть въ труппу народныхъ театровъ. Впрочемъ, привлекаетъ молодыхъ актеровъ и то обстоятельство, что спектакли ставятся подъ непосредственнымъ наблюденіемъ директора, а у него, конечно, есть чему поучиться. Намъ пришлось быть на нѣкоторыхъ репетиціяхъ. Н. О. Сазоновъ буквально каждому актеру не только дѣлетъ тогъ роли, указываетъ мѣста, но и объясняетъ характеръ и типъ того лица, которое артистъ долженъ изображать.

Н. О. Сазоновъ пригласилъ себѣ также и опытнаго помощника—Я. И. Шмитова, специалиста по постановкѣ народныхъ пьесъ, особенно тѣхъ, въ которыхъ можно блеснуть красивой постановкой массовыхъ сценъ.

Труппа набрана очень большая. Въ составъ ея вошли: г-жи Сахарова, Никитина, Корсакова, Романовская, Райдина, Мерцъ, Дыбчинская, Ивина, Мировичъ, Милорадовичъ, Крылова, Самойлова Тамара, Воронова, Бергъ, Лялина, Печерина и Жеребцова. Гг. Печеринъ, Ивановъ, Вольфъ, Скарятинъ, В. Петипа, Алашеевскій, Ровень-Саннинъ, Бойковъ, Шуминъ, Словакъ, Дилинъ, Муравлевъ, Садовниковъ, Суринъ, Крыловъ, Лярскій, Смирновъ, Инсаровъ и др.

Дирекція возлагаетъ большія надежды на г. Печерина. Впрочемъ, эти надежды кажутся намъ нѣсколько преувеличенными. Правда, г. Печеринъ—артистъ безспорно умный, много работающій, но у него есть недостатокъ,—отсутствіе вымысли.—Другая «гордость» дирекціи—г. Петипа, еще только начинающій артистъ, но уже успѣвшій себя заявить съ самой лучшей стороны. Благодарная внѣшность, непринужденныя манеры, симпатичный (хотя и очень слабый) голосъ—все это такія данныя, съ которыми г. Петипа когда-нибудь будетъ незауряднымъ актеромъ. Но пока у г. Петипа на каждомъ шагѣ сквозитъ и сценическая неопытность, и неувѣренность въ своихъ силахъ.—Изъ другихъ артистовъ заслуживаютъ особеннаго вниманія гг. Ивановъ, Скарятинъ, хорошо извѣстный по лѣтнимъ спектаклямъ Павловскаго театра, Вольфъ, Ровень-Саннинъ, Алашеевскій, Бойковъ и Дилинъ. Послѣдній,

впрочемъ, началъ ужъ черезчуръ шаржировать, о чемъ должно пожалѣть.

Изъ женскаго персонала значительнымъ успѣхомъ пользуется г-жа Никитина, обладающая подходящей для бытовыхъ ролей внѣшностью и богатыми оттѣнками—голосомъ. Кроме г-жи Никитиной представляютъ извѣстный интересъ и артистки: г-жи Корсакова, Романовская, Сахарова, Райдина, недурная исполнительница бойкихъ субретокъ, перешедшая теперь почему-то на амплу героини, и наконецъ, г-жа Мерцъ, приличная исполнительница наивныхъ ingénue.

Остальные артисты и артистки, если особенно и не выделяются, то все же относятся старательно къ своему дѣлу, почему спектакли въ Таврическомъ саду проходятъ гладко. За послѣдніе дни были поставлены пьесы: «Ломоносовъ», «Двѣ сиротки» и «Въ старые годы». Въ первой пьесѣ наибольшій успѣхъ выпалъ на долю г. Печерина, исполнявшаго заглавную роль, хотя г. Печеринъ къ этой роли мало подходитъ уже по своимъ внѣшнимъ даннымъ. Да и вообще то эта пьеса устарѣла даже и для народа. Растянутые и скучные діалоги и недостатокъ движенія сдѣлали то, что публика все время немовѣрно скучала. «Двѣ сиротки» прошли гораздо лучше. Главныя роли были недурно разыграны г-жами Романовской, (Фрошаръ), Никитиной (Генриетта), Мерцъ (Луиза) и гг. Шуминнымъ (Пьеръ) и Вольфомъ (Жакъ).

Особенный интересъ представлялъ спектакль 17 сентября, когда была поставлена извѣстная драма «Въ старые годы». Въ роли Рахманова выступилъ новый (для народного театра) артистъ г. Скарятинъ. Рядомъ съ удачными мѣстами, у г. Скарятинна были и такія, которыя показывали, что роль готовилась на скорую руку. Г-жа Корсакова въ роли Клавдіи была недостаточно типична, и Клавдія у нея вышла черезчуръ изящной. Г-жа Никитина насъ приятно поразила исполненіемъ роли Маши. Весьма недурно была проведена г-жею Никитиной заключительная сцена объясненія въ IV актѣ. Въ этой сценѣ также хорошо былъ и г. Скарятинъ, дѣлвшій успѣхъ съ г-жею Никитиной.

Сезонъ въ Таврическомъ саду заканчивается 1 октября. Послѣ того труппа временно перекочуетъ въ театръ при Невскомъ стеклянномъ заводѣ. До закрытія въ Таврич. саду будутъ поставлены пьесы: «Не въ деньгахъ счастье» и «Ревизоръ».

Ниль Ука—въ.

Балетъ. Первый выходъ въ текущемъ сезонѣ г-жи М. Кшосицкой 2-й состоялся въ воскресенье, 20 сентября, въ балетѣ «Сияшала красавица». Успѣхъ, выпавшій въ этотъ день на долю талантливой балерины, безспорно, говоритъ о глубокимъ симпатіяхъ къ ней нашихъ балетомановъ. И дѣйствительно, въ сопоставленіи съ другими классическими танцовщицами нашей сцены, г-жа М. Кшосицкая 2-я по своей первоклассной техникѣ и темпераменту, является яркой и крупной величиной. За послѣднее время ея недюжинный талантъ, представляющій гармоничное сочетаніе силы, мягкости, пластички и даже мимики, развился и окрепъ, такъ что она смѣло можетъ конкурировать съ лучшими танцовщицами европейскихъ сценъ. Я говорю «съ лучшими», такъ какъ, въ сущности говоря, въ настоящее время во всей Европѣ хорошихъ балеринъ очень мало. Впрочемъ, въ сферѣ развитія и процвѣтанія хореографическаго искусства, на западныхъ сценахъ сказывается недостатокъ не только въ балеринахъ, но и въ общей постановкѣ всего балетнаго дѣла. Если въ

Проф. консерваторіи г. Краснокутскій.
(Къ 25-ти лѣтію его дѣятельности см. № 37 «Театръ и Искусство».)

этомъ отношеніи сравнить западныя сцены съ нашею, то нашъ балетъ долженъ занять самое почетное мѣсто. Тамъ не только нѣтъ выдающихся первыхъ танцовщицъ, но даже и общій составъ артистическихъ силъ любой иностранной труппы блѣднѣетъ и тускнѣетъ передъ нашею труппою, не говоря уже о сценической постановкѣ балетовъ. Даже въ странѣ искусства, въ Италиі, которая должна быть признана колыбелью хореографическаго искусства, и тамъ, въ смыслѣ художественнаго успѣха, балетъ начинается захнуть и вымирать. По всей вѣроятности постепенному паденію хореографическаго искусства въ Италиі не мало способствуетъ постепенное же сокращеніе въ ея центрахъ специальныхъ школъ, а безъ систематической школьной подготовки, конечно, не можетъ быть и рѣчи о развитіи таланта и о художественномъ успѣхѣ артиста-самоучки. Практикуемая въ широкихъ размѣрахъ система домашняго самообученія подъ руководствомъ дешевыхъ, но малоопытныхъ педагоговъ, врядъ ли можетъ дать хорошіе результаты. Вотъ почему, миланскій балетъ, имѣвшій до послѣднихъ лѣтъ свою прекрасно организованную школу, всегда, всегда, всегда своихъ артистическихъ силъ, занималъ самое почетное мѣсто среди другихъ итальянскихъ труппъ.

Я не думаю, чтобы это чужое положеніе современнаго балета въ Италиі служило печальнымъ предвѣстникомъ окончательнаго его вымирания; не думаю уже потому, что врядъ ли въ крови итальянца когда либо остынетъ жгучая страсть къ пѣснѣ и пляскѣ. Но, во всякомъ случаѣ, я съ убѣжденіемъ могу сказать, что итальянская пѣсня, начиная отъ венеціанскаго гондольера или неаполитанскаго уличнаго пѣвца и кончая законченнымъ артистомъ, находится для себя гораздо болѣе шири, простора и художественныхъ формъ исполненія, чѣмъ пляска, которая мало удовлетворяетъ художественнымъ требованіямъ зрителя, начиная отъ соррентской тарантеллы и кончая любимымъ рас итальянской театральнаго танцовщицы. Н. Ф.

* * *

Талантливый композиторъ баронъ В. Г. Врангель написалъ новыхъ три романа: «Утро», «Заря багровая» и «Гляди, лобзаютъ берегъ волны». Всѣ три романа очень мелодичны и поэтичны, въ особенности послѣдній, посвященный М. И. Долиной, уже исполнявшей его съ большимъ успѣхомъ въ концертахъ.

* * *

Репертуаръ г-жи Галингъ, начинающей свои гастроли въ Россіи 17 го октября (Одесса) слѣдующій: «Горнозаводчикъ», «Фру-фру», «Дама съ камелиями», «Принцесса Вагдалская», «Полу-свѣтъ», «Адриенна Лекувереръ», «Свадебный визитъ», «Иностранка».

* * *

Маленькій, но любопытный эпизодъ изъ жизни Одесскаго городского театра. 20 сентября, во время спектакля («Madame Sans-Gêne»), артисты услышали какой-то странный шумъ подъ сценой; въ то же время, по словамъ мѣстной газеты, «Театръ» — обонанія артистовъ коснулся «не весьма приятный запахъ затхлой воды». Въ суммѣ получилась комбинація, врядъ-ли способная «поднять» настроеніе гг. исполнителей. По разслѣдованіи, дѣло оказалось вотъ въ чемъ: городская театральная коммиссія, вершающая судьбы театра, замѣтила, что вода, находящаяся подъ сценой на случай пожара, — застоялась и протухла. Коммиссія благоразумно рѣшила, что нужно ее перелить. И вотъ исполненіе этой операціи пришлось на вечеръ 20-го сентября. Слово нѣтъ, театральная коммиссія вправдѣ «переливать» что и когда ей угодно, но для этого случая, — ну ужели всетаки не нашлось другого, болѣе подходящаго времени?

Отзывы печати.

Первая новинка Александринскаго театра, «Загадки жизни» г-жи Шевиль, оказалась крайне неудачнымъ произведеніемъ.

Строго судить автора нельзя, резонно замѣчать «Пет. Газ.», г-жа Шевиль не рисуетъ, не манерничаетъ, не расточаетъ даромъ словъ. Тутъ нѣтъ ничего глупаго, или пошлаго, или неприличнаго. Но это не литература. Это буквы, изъ коихъ сложены слова, а изъ словъ — предложенія. Это только памятники письменности, въ томъ смыслѣ, что онъ былъ написанъ и затѣмъ переписанъ.

Г. Селивановъ въ «Новостяхъ» даетъ вѣрную характеристику этого новаго курьезаго опыта дамскаго пера.

Драма вызываетъ въ зрителѣ какое-то трогательное соболезнованіе своею наивною безпомощностію. Нѣкоторыя дѣйствія идутъ всего-на-всего минутъ 8—10; не успѣетъ занавѣсь поднятись, какъ уже публикѣ дается какой-нибудь рѣзкій, нисколько не подготовленный и ничѣмъ не мотивированный, «психологическій моментъ»; и только зритель собирается «проникнуть въ него» и овладѣть имъ, занавѣсь уже опускается. Это ведетъ къ тому, что въ главныхъ сценахъ, по намѣреніямъ автора — «самыхъ сильныхъ и драматическихъ», достигается эффектъ совершенно противоположный: какъ майковскій Пульчинель, авторъ ожидаетъ «потокъ слезъ» въ зрительномъ залѣ, а встрѣчаетъ лишь «взрывы смѣха». Это всецѣло, какъ и у Пульчинеля, обусловливается не пошлостію или ничтожествомъ содержанія, а безобразіемъ формы, нелѣпостію внѣшняго проявленія страданія.

Рецензентъ газеты дѣлаетъ, даѣе, еще одно, очень правильное, замѣчаніе относительно участія дѣтей на сценѣ, при томъ въ такомъ количествѣ, что рецензентъ «Пет. Газ.» именуетъ сцену «дѣтскимъ садомъ».

Гдѣ дѣйствуютъ дѣти, — тамъ не можетъ и не должно быть пьесы; дѣтей съ ихъ нравственнымъ и духовнымъ міромъ, съ ихъ горемъ, радостями, печалью и страданіями можно выводить въ повѣсти, романѣ, но нельзя изъ нихъ создавать «дѣйствующихъ лицъ» драматическаго произведенія, которыя должны воплощаться дѣтьми же. Не говоря уже про фантасмагическія соображенія, и съ чисто сценической и художественной точекъ зрѣнія это — нелѣпость: какой бы ребенокъ не игралъ сильно драматическую роль, какъ бы онъ ни былъ выученъ и настроенъ — все-таки, это будетъ искусственно и жалко.

Г. Суворинъ въ «Нов. Врем.» предаетъ очень нравственнымъ и очень постороннимъ соображеніямъ о томъ, какой вопросъ ставится пьесой. О самой же пьесѣ г. Суворинъ говоритъ, что

пьеса едва намѣчена и притомъ вся почти основана на одной нотѣ слезливой и грустной, которая въ концѣ концовъ утомляетъ зрителя и дѣлаетъ его равнодушнымъ къ тому, что происходитъ на сценѣ.

О приемахъ театральнаго критика, которая сводится къ разсужденіямъ «по поводу» см. ниже «Театральныя Записки».

Недурно и сжато выражается и рецензентъ «Петерб. Листка».

Говорятъ, что Александръ Дюма какъ-то сказалъ: «Изъ всѣхъ драмъ предпочитаю ту, гдѣ на сценѣ меньше плачутъ, чѣмъ въ театральномъ залѣ». Г-жа Шевиль держится обратнаго правила. Въ ея драмѣ на сценѣ режутъ положительно всѣ, безъ различія возраста, пола и актовъ, но за то въ публикѣ улыбаются.

* * *

«Мурaveйникъ» г-жи Омировой, шедшій въ Москвѣ 15-го сентября на сценѣ Малаго театра произвелъ, по словамъ московскихъ газетъ, странное впечатлѣніе. Пьеса литературная, но не сценичная, и это не могло скрыть будто бы образцовое исполненіе труппы Малаго театра.

Нѣкоторыя сцены, пишутъ «Рус. Вѣдом.», напр., сцена между гг. Южинымъ и Федотовымъ въ третьемъ дѣйствіи, были проведены до такой степени хорошо, что даже для лицъ, привыкшихъ къ театру (?), иллюзія получилась полная.

Очень плохія замѣчанія попадаютъ у московскихъ критиковъ.

* * *

По поводу того же «Мурaveйника» на сценѣ Московскаго Малаго театра г. Васильева въ «Мос. Вѣдом.» разрѣшился очень сердитымъ фельетономъ.

Что остается въ окончательномъ выводѣ? Остается то, съ чего я началъ. Бойкость пера. *La Sauce*. Къ бойкости присоединяется «хлесткость». Чисто петербургскій приемъ. Ради «хлесткости» выведены бюрократы. Къ ходу самой пьесы они имѣютъ столько же отношеній, сколько... нохателный табакъ къ канарейкѣ.

Все это довольно вѣрно. Но мѣсто краситъ человѣка. Ни чѣмъ инымъ, какъ долговременнымъ пребываніемъ почтеннаго критика въ редакціи «Мос. Вѣдом.», можно

объяснить то, что г. Васильева упрекает г-жу Смирнову, изобразившую некоторыя извы бюрократическихъ сферъ, чуть ли не въ „потрясеніи основъ“. „Ревизоръ“ великъ по мысли г. Васильева, тѣмъ, что въ послѣднемъ актѣ является жапдаръ и требуетъ на расправу. А въ „Муравейникѣ“ этого нѣтъ, и потому произведение г-жи Смирновой — неблагопамятное.

Такъ и запишемъ. Г-жѣ Смирновой не хватало жапдаря, утирающаго слезы.

НОВЫЯ ПЬЕСЫ.

Театръ Литературно-артистическаго кружка познакомил насъ съ новою пьесой «Битые черепки» г. Ардова. Я не знаю, совершила ли нескромность, отмѣчая, что г. Ардовъ — мужской псевдонимъ дамскаго таланта. Кажется, это давно уже было отмѣчено. Г. Ардовъ, несомнѣнно, не лишенъ извѣстной живости дарованія, но по дамскому обыкновению, рѣдко отличаетъ существенное отъ несущественнаго, и начавъ за здравіе легко кончаетъ за упокой. Первое дѣйствіе «Битыхъ черепковъ» смотрится прямо съ интересомъ. Мы въ домѣ провинціального журналиста Сафановича, натуры, какъ видно, декадентской, распущенной и довольно легкомысленной. Онъ женатъ, но «капризъ натуры» увлекаетъ его къ сестрѣ жены, серьезной и интересной дѣвушкѣ, которая тоже къ нему неравнодушна.

— Послушай, говоритъ ей жена Сафановича, — онъ опять придетъ домой пьяный, и не могу его такимъ видѣть. Поговори съ нимъ, я лягу.

И точно. Сафановичъ приходитъ, и между нимъ и свояченицей происходитъ «декларация», заканчивающаяся, какъ и слѣдовало ожидать, полнымъ побѣдоу «каприза». Эта сцена положительно хороша и интересна. Но затѣмъ, по мѣрѣ развитія пьесы, появляются «андроны», а ужъ послѣдній актъ — это настоящіе сапоги въ сметку. Сафановичъ очерченъ, какъ человекъ, совершенно беззаботный не только насчетъ морали, но и насчетъ здраваго разсудка. Ему надобна свояченица, отъ нея онъ бросается къ женѣ, отъ жены къ свояченицѣ, потомъ снова къ женѣ, и все это на протяженіи одного акта, и съ легкостью «почти военнаго человека». Я понимаю, что обличеніе декадентства и «капризовъ натуры» можетъ привести даже къ карикатурѣ, но нелѣзость отношеній окружающихъ къ Сафановичу явно бросается въ глаза. Особенно несообразна свояченица, которую авторъ хотѣлъ сдѣлать чѣмъ то вродѣ героини, но которую я бы совѣтовалъ назвать «госпожа Андронова», потому что у нея въ головѣ черти несомнѣнно играютъ въ чехарду.

Эпизодическая часть пьесы и газетные нравы изложены, если не талантливо, то довольно прилично. Пьесу упрекнули въ безнравственности. Я этого не вижу. Это — нескладница, а безнравственнаго тутъ нѣтъ. Имѣются некоторыя запоздалыя отраженія жоржъ-зандизма, ну, да нѣдъ, надо полагать, г. Ардову или г-жѣ Ардовой, и лѣтъ не мало.

Разыгрывается пьеса недурно. Превосходенъ г. Далматовъ, въ роли Сафановича. «Капризы натуры» — специальность этого артиста. Сцену приличествъ г. Хворостовъ; довольно типиченъ г. Орленевъ, въ роли купчика, котораго капиталы соединяютъ съ «цивилизациею» журнальнаго дѣла. Свояченицу играла г-жа Яворская, съ обычными сценическими приемами. Ея жоржъ-зандизмъ, во всякомъ случаѣ, отличался буйнымъ характеромъ, едва ли въ соотвѣтствіи съ намѣреніями автора.

Грубое, непріятное пятно составляла г-жа Некрасова-Колчинская, въ роли жены Сафановича. Это роль, требующая такъ называемаго пассивнаго драматизма, для котораго у г-жи Некрасовой-Колчинской нѣтъ ни мимики, ни голоса, ни сценическаго такта. Для полноты сценическаго образа артистка играла въ свѣтлыхъ богатѣйшихъ капютахъ съ валансьеями и была унижена брилліантами. Прямое дѣло режиссера недопускать такого рѣзкаго несоотвѣтствія костюма съ ролью, характеромъ и сценическимъ настроеніемъ. . . . Н. пог.

Очень милая пьеска г. Берникова «Страничка романа» идетъ на сценѣ театра Литературно-артистическаго Кружка. Сюжетъ заимствованъ изъ разсказа Марселя Прево: двѣ дѣвочки подростки пицуютъ въ дортуарѣ романъ, такъ, какъ онъ представляется ихъ институтскому пониманію. Это вабавная сцена, и г-жи Домашева и г-жи Скромова очень мило въ сцальныхъ костюмахъ. Пьескѣ можно предсказать большой успѣхъ, особенно на любительскихъ спектакляхъ. . . . Л.

Драма г. Елизарова «По гривеничку за рубль», поставленная въ «Русскомъ театрѣ» г. Амфитеатрова 18-го сентября, оказалась не лишенной интереса пьесой, правда, не блещущей литературными достоинствами, но обнаруживающей значительную наблюдательность автора въ изображенія быта современнаго купечества. Къ достоинствамъ пьесы слѣдуетъ отнести то, что авторъ вѣрно нащупалъ язву современнаго купечества, — именно стремленіе жить въ кредитъ и вести опасную игру, рассчитывая на благопріятный случай. Герой пьесы, молодой негодянтъ, по которому образованіе только скользнуло, мало задѣвъ его внутренней міръ, продѣлываетъ очень ловкую комбинацію съ купцомъ-милліонеромъ, у котораго кредитуется. Когда дѣло прогораетъ, на сцену появляются долги и непріятная перспектива долговой ямы. Но смѣлость ни на минуту не оставляетъ Глыбина. Онъ придумываетъ новый исходъ, приглашая въ сообщники родную сестру, молодую разбитную дѣвушку, которая отнынѣ является купеческой Далилой. Старикъ мѣлетъ отъ одного взгляда жгучихъ, златорныхъ глазъ Лидіи. Дѣло Глыбина снова стоитъ на мази, чему не мало способствуетъ также участіе его домашняго секретаря Краснопѣвцева, фигуры яркой и удивительно типичной, напоминающей стряпчихъ Острогскаго. Этотъ юркій, проницательный старикашка прекрасно ведетъ черновую часть дѣла, разыгрывая какъ по клавишамъ на чувствительныхъ струнахъ грубой купеческой души. Благодаря, ему происходитъ соглашеніе съ кредиторами, принявшими по гривеничку за рубль, и Глыбинъ, какъ фениксъ возрождается изъ пламени денежной горячки. Пьеса кончается свѣдѣбой и тостомъ за энергичныхъ предпринимателей, причемъ всѣ чокутся съ Глыбинымъ. Этотъ конецъ — даръ условіямъ сцены. Вообще, пьеса страдаетъ излишней слащавостью, рѣжущей ухо на ряду съ правдивыми, характерными сценами, очевидно списанными прямо съ натуры.

Пьеса, видимо, понравилась публикѣ, чему не мало способствовала игра исполнителей. Г. Скуратовъ въ роли городского головы и въ особешности г. Яковлевъ-Востоковъ (Краснопѣвцевъ) дали вполне жизненные типы и поддерживали въ публикѣ интересъ къ пьесѣ. Въ роли Глыбина выступилъ новый для Петербурга артистъ г. Басмановъ. Онъ былъ нѣсколько слащавъ для Глыбина, въ которомъ все-таки чувствуется сила, хотя и мошенническая. Къ достоинствамъ г. Басманова слѣдуетъ отнести сценическую внѣшность, къ недостаткамъ — однообразную мимику, заключающуюся въ поднѣ маній бровей. Впрочемъ, по роли Глыбина трудно составить надѣлѣе понятіе о молодомъ артистѣ. . . . Ю. Б.

Театральныя замѣтки.

Истекая педѣли ознаменовалась некоторымъ, а если говорить по правдѣ, такъ и очень значительнымъ разногласіемъ театральнаго критики по поводу новыхъ пьесъ. Не буду принимать подъ свою защиту нашу театральную критику, а тѣмъ болѣе разными посторонніи соображеніями, дитующая нерѣдко „приговоры въ окончательной формѣ какъ иронически называетъ театральныя рецензіи одинъ мой пріятель. Я очень хорошо знаю, что, наприимѣръ, объ актерахъ, а въ особенности объ ак-

тридцать, пишутъ перѣдко форменный вздоръ. Но это зло—между нами говоря—ужь не такъ большой рѣкъ, развѣ только безумныя похвалы расточаются представителямъ вреднаго направленія театральнаго искусства. Собственно же литературно-театральная критика, въ впамятномъ большинствѣ случаевъ, отражаетъ дѣйствительныя взгляды, убѣжденія, вѣрнѣе, настроенія гг. критиковъ, и если о пьесахъ судятъ вкривь и вкось, такъ потому, что нѣтъ единства въ методахъ и приемахъ сужденія.

Обращаюсь, во избѣжаніе скучной схоластики теоретическихъ разсужденій, къ фактическимъ материаламъ. Въ пятницу на прошлой недѣлѣ шла на Александринской сценѣ въ первый разъ пьеса г-жи Шевиль „Загадки жизни“. Я читалъ эту пьесу въ рукописи еще до постановки. Меня поразили дѣтски-наивный тонъ произведенія, крайняя неумѣлость фактуры, отсутствіе языка—этого главнаго поразителя мысли, если мысль имѣется, характеровъ, если они очерчены, настроенія, если ищутъ выхода творческія силы. Признаюсь, когда я читалъ эту пьесу, я ви, мало не думалъ о томъ, что хочетъ авторъ сказать. Я привыкъ начинать прежде всего съ литературы и искусства, а потомъ уже переходить къ идеямъ. Потому что, вапримѣръ, и въ логарифмахъ есть идея, и всякую минуту въ любой бесѣдѣ не совсѣмъ глупыхъ людей можно найти идею, но слѣдѣть за развитіемъ и интересомъ идеи можно лишь съ того момента, какъ она получаетъ образное и художественное выраженіе. Я читалъ какъ-то, что въ Англіи есть такое бюро, и въ этомъ бюро имѣются всегда въ готовѣ всевозможныя темы и сюжеты. Такъ неужто дѣло художественной критики разбираться въ папкахъ этого бюро?

Не обратилъ я также вниманія на то, что въ пьесѣ „Загадки жизни“, будто бы, заключается какой-то особенный вариантъ семейно-адюльтерныхъ отношеній. Въ „Физиологій Любви“ Поля Бурже имѣется около сотни разныхъ „теоремъ“ въ такомъ родѣ. Напримѣръ, при одномъ любовникѣ двѣ замужнія женщины, или у одной дамы четыре любовника, а пятый имѣется въ виду, или мужъ, жена, два друга дома и боша—что изо всего этого произойдетъ? Теоремы эти отличаются не только большою сложностью, но и занятностью, и я понимаю, почему эта книга имѣла такой большой успѣхъ. Но дѣло не въ теоремахъ, которыя изображены алгебраическими знаками, а въ живомъ дѣйствіи живыхъ людей, и если нѣтъ ни этого живого дѣйствія, ни этихъ живыхъ людей—я не назову ихъ художественными произведеніями и не стану съ ними считаться.

Какъ и слѣдовало ожидать, на сценѣ эта институтская „проба пера“ г-жи Шевиль оказалась еще наивнѣе, еще смѣшнѣе, еще курьезнѣе. Не стану подробно передавать содержанія этой пьесы. Въ двухъ словахъ, сюжетъ таковъ. Въ деревнѣ живетъ дама съ мужемъ и любовникомъ, котораго малолѣтніа дѣти называютъ „Старымъ котомъ“. Тройственный союзъ продолжается довольно долго, какъ вдругъ пріѣзжаетъ племянникъ и воспитанникъ дамы, подсмотрѣвшій, какъ „Котъ“ цѣлуетъ тетеньку. Онъ раздражается длинными рацеями о честности высокой, и подъ влияніемъ этихъ юныхъ рѣчей, дама сознается мужу, что она его обманываетъ болѣе 10 лѣтъ, и что дѣвочка Лили не его дочь, а дочь „Кота“. „Возьми свою дочь и уходи!“—говоритъ бѣдный мужъ. Слѣдующее дѣйствіе въ деревнѣ „Кота“. Дама тоскуетъ, а котъ въ сапогахъ ходитъ вокругъ и ничего умнѣе не можетъ придумать, какъ предложить лавровишневая капли для успокоенія. Но капли не дѣйствуютъ, и дама уѣзжаетъ опять

къ мужу и къ дѣтямъ, хотя безъ Лили. Мужъ такъ любезенъ, что не только принимаетъ бѣдную страдальницу съ распростертыми объятіями, но предлагаетъ даже вернуть „Кота“ и зажить попрежнему. Но жребій брошенъ... и дама выбрасывается изъ окна.

И вотъ, я читаю про эту пьесу, что въ ней есть идея, и что она возбуждаетъ „вопросъ“. Ничего въ этомъ не сомнѣваюсь. Я понимаю далѣе, что по поводу „вопроса“, будто бы возбуждаемаго пьесой, можно написать очень талантливую статью, въ которой будетъ въ тысячу разъ больше ума, чуткости и темперамента, чѣмъ въ этомъ анемическомъ продуктѣ дамскаго пера. Но я скажу перифразой французской поговорки: *on est critique ou on ne l'est pas*. Критика, такъ критика, а публицистика, такъ публицистика, потому что, откровенно говоря, мнѣ многія критическія статьи напоминають процессъ изгOTOвленія щей изъ топора.

Вопросъ, котораго я здѣсь касаюсь, представляетъ не отвлеченный интересъ классификаціи, но весьма насущный интересъ театральной жизни. Театръ есть учрежденіе художественное, а не кафедра для возбужденія вопросовъ. Смѣшеніе понатій въ исходномъ пунктѣ критическаго отношенія влечетъ къ разнымъ сдѣлкамъ, отступленіямъ и извращеніямъ задачъ художественнаго театра. На первый планъ выступаетъ, часто вопросъ *сенсациі*, а не внутренняго достоинства. Сегодня пренебрегаютъ художественнымъ радп эффектовъ постановки, завтра ради злободневности мотива, послѣзавтра ради памфлета и скандала. Я не говорю уже о тенденціозности, этомъ лучшемъ изъ золъ, къ которымъ приводитъ уклоненіе искусства отъ прямыхъ его задачъ.

Я знаю, что вы мнѣ возразите. Это хорошо въ теоріи, практически же, гдѣ эти хорошія пьесы? Немножко хуже, немножко лучше—не все ли это равно? Позвольте мнѣ замѣтить, что это и не все равно, и вовсе не одно и тоже. Дозволительно требовать и стремиться къ наилучшему, и тутъ можетъ быть сколько угодно степеней, но должно требовать непремѣнно произведенія, удовлетворяющаго хотя бы формальнымъ требованіямъ художественности. Каковы эти требованія? Ахъ, Боже мой, неужели это такъ трудно установить? Да, вотъ, напримѣръ, языкъ. Вѣдь какую угодно теорему сложваго адюльтера предложите, или какой угодно спенической вариантъ квартирнаго вопроса,—если здѣсь языка нѣтъ, о чемъ толковать? Если вамъ принесутъ, подъ названіемъ хлѣба, нѣчто круглое и мягкое, но безъ тѣста,—скажете ли вы что это хлѣбъ?

Очень часто противоплагають литературности пьесы ея сценичность. Но что разумѣется подъ сценичностью? Если въ хохотушечемъ театрѣ шуты гороховые въ костюмахъ индійцевъ и чортъ знаетъ какъ еще кувыркаются и лазаютъ по декорациямъ—это сценично? И неужели сценическое „движеніе“ есть то самое, о чемъ Достоевскій сказалъ: „однпъ подъ столъ, а другой его за ногу изъ подъ стола?“

Сценичность! Вотъ безконечно грубое слово, которымъ злоупотребляють и которое затрепали, вродѣ слова „прогрессъ“. Сценичность пьесы то же, что ритмъ для стиха и музыки, образъ—для поэзіа. Драматическій писатель *мыслить* сценами, т. е. пластическимъ и живымъ воспроизведеніемъ момента. Если же этого нѣтъ, т. е. если онъ мыслить, какъ курица, то смѣшно думать, что сценичность можно создать сочиненіемъ эффектовъ, ролей и т. п. Роль—попловое слово, когда подъ нимъ не скрывается живое человѣческое лицо. Искать „ролей“ могутъ только опустившіеся, рутинные актеры, которые идутъ не отъ роли къ себѣ, а отъ себя къ роли,

т. е. когда процессъ, такъ называемаго ихъ творчества, является приспособленіемъ эффектово роли къ испытаннымъ и излюбленнымъ приемамъ игры. Я часто удивляюсь актерамъ и актрисамъ, которые берутся за роли ради ихъ эффектовъ. Неужели это можетъ удовлетворить? Неужели безконечно повтореніе одной и той же мимической игры, одного и того же приема, однихъ и тѣхъ же взвизгиваній и вскрикиваній, можетъ дать сознание артистической работы? Вѣдь это скучно, прежде всего!..

Я, однако, отвлекся. Я началъ съ неопредѣленности и спутанности нашей литературно-театральной критики. Какъ я отмѣтилъ, она рѣзко проявилась въ попыткахъ найти нѣкоторое этическое и публицистическое значеніе въ пьесѣ „Загадки жизни“, тогда какъ прежде всего въ ней нужно найти хотя искру литературности, а потомъ уже толковать о прочемъ. Но еще болѣе рѣзко эта сбивчивость сужденій выразилась въ рецензіяхъ о пьесѣ Д. П. Муравлива (кн. Голицына) и В. А. Тихонова „Баба“, поставленной въ понедѣльникъ въ первый разъ на сценѣ „Русскаго драматическаго театра“.

Драма „Баба“ передѣлана изъ романа кн. Голицына того-же названія. Вообще, передѣлки не могутъ отличаться совершенствомъ. Это вполне справедливо и вполне вытекаетъ изъ того понятія „сценичности“, которое я намѣтилъ раньше. Очевидно, романистъ, когда пишетъ романъ, то думаетъ не сценами въ театральномъ значеніи этого слова, а повѣствовательными картинами. Стало быть, передѣлка является уже во всякомъ случаѣ нарушеніемъ стили произведенія и вноситъ нѣкоторый изъянъ въ органическую цѣлокупность. Съ этой точки зрѣнія, въ драмѣ много недостатковъ. Первый и существеннѣйшій заключается въ томъ, что исторія молодого барина Гремухина, который вслѣдствіе своей трыпичности, дошелъ до полнаго нравственнаго распада, не можетъ быть изложена въ цѣломъ рядѣ мелочей, составляющихъ сущность этой трагической исторіи, но лишь въ нѣсколькихъ крупныхъ и яркихъ моментахъ. Вотъ уже самый смыслъ, самая суть литературнаго замысла—нарушены. Въ романѣ Гремухинъ, плодъ сентиментальнаго, барскаго воспитанія, съ повышенною чувствительностью и, если угодно, чувственностью, постепенно, отъ вида голыхъ ногъ судомойки Алены, доходитъ до пожирающей страсти. Въ пьесѣ этого быть не можетъ. Выходитъ молодой человекъ, предъ которымъ мелькнули голыя ноги,—и готово. Это совершается до такой степени быстро, что мы имѣемъ полное право усмотрѣть здѣсь то „венецианское начало“, о которомъ трактуетъ Ницше. И затѣмъ, въ остальныхъ перипетіяхъ этой драмы, въ окончательномъ пораженіи Гремухина чувственнымъ влеченіемъ къ Аленѣ; въ картинѣ разложенія воли Гремухина—вездѣ преобладаетъ патологія надъ реальною психологіею средняго человека, уже по одному тому, что краски необходимо сгущены, и изъ ряда мелочей, создавшихъ кабальную цѣпь, вырвано только нѣсколько крупныхъ звеньевъ.

Если бы мнѣ позволило мѣсто, я бы могъ указать на десятки всякихъ иныхъ погрѣшностей, и крупныхъ, и незначительныхъ, и устранимыхъ, и неустранимыхъ, ибо онѣ лежатъ въ самой природѣ этого произведенія...

И тѣмъ не менѣе, кака я это талантливая, яркоталантливая вещь! Цѣлая галерея характеровъ, описанныхъ смѣлою и твердою рукою, проходитъ предъ вами. Во первыхъ, Алена, крупчатая деревенская баба, теряющая по мѣрѣ перехода изъ своего „естественнаго“ состоянія въ новый строй жизни, простоту и наивность природы и впадающая въ сы-

тость, полное доволство и животный эгоизмъ мѣщанскаго благополучія. Во вторыхъ, художникъ Шалымовъ, изъ тѣхъ съ виду униженныхъ и оскорбленныхъ, которые привыкли слагать обиды въ сердцѣ своемъ, и потомъ вымещаютъ всю подлость нависшей горечи на самомъ безобидномъ и безслышномъ человекѣ. Потомъ—солдатъ Гришка, мужъ Алены. Свѣтлая, ангельская душа. Что-то вроде Каратаева въ молодости. „Дуракъ онъ“, говорятъ про него. А онъ простъ. Пришелъ на побывку домой, хочетъ видѣть жену, а ему говорятъ: „ступай на кухню“, и онъ отвѣчаетъ: „слушаю, выше благородіе!“ и идетъ... Потомъ купецъ Ефремовъ, арендаторъ мельницы, который толкуетъ все время о „божественномъ“. Потомъ Капитонъ, слуга изъ бышихъ крѣпостныхъ... Да много тутъ всякаго народа, и всѣ они выпуклы, ярки и жизненны, какъ могутъ быть жизненны лишь лица, созданныя талантомъ тонкимъ, чуткимъ, отзывчивымъ...

И вотъ, я читалъ, какъ брали эту пьесу—пустъ, съ большими недостатками,—но въ которой литературы въ двадцать разъ больше, чѣмъ въ цѣломъ репертуарѣ выигранныхъ, эффектныхъ ролей, и признаюсь, не вѣрилъ, что такъ сурово писали литераторы, которымъ не можетъ быть чуждо талантливое слово, въ какой бы передѣлкѣ оно ни нылилось. И замѣтите, никто не поднялъ вѣсь рѣчи о „вопросахъ“, которые изъ пьесы вытекаютъ...

А вопросы эти вытекаютъ, безспорно. Я напомнимъ, что романъ князя Голицына былъ написанъ въ концѣ 80-хъ годовъ, въ самый разгаръ такъ называемаго народническаго движенія. Въ романахъ и повѣстяхъ описывались случаи самаго идеальнаго слиянія съ народомъ. Интеллигентъ приходилъ въ деревню, весь изъѣденный рефлексомъ, съ катарромъ желудка и дурнымъ цвѣтомъ лица. Но здѣсь онъ находилъ отраду и успокоеніе. „Народная жепщина“, съ такими же голыми икрыми, какъ Алена, съ такою же натуральною теплотою здороваго тѣла, создавала ему рай тихихъ восторговъ. Въ окно дулъ деревенскій воздухъ. Алена шевелила граблями навозъ, а онъ, бѣдный интеллигентъ, нашедшій свое счастье въ уголкѣ, жмурился отъ восторга и приговаривалъ: „какъ хорошо!“ Если же, почему либо, ему не удавалось пристроиться, какъ слѣдуетъ, къ деревенской жизни и бабѣ Аленѣ, то авторъ называлъ его „чужакомъ“ и скорбѣлъ, почему другие интеллигенты настолько испорчены культурою, что даже икры и поясница Алены, въ которыхъ нѣтъ ни капельки обмана, не въ состояніи оживотворить ихъ упавшій духъ.

Въ такое время появился романъ кн. Голицына. Быть можетъ, взять случай исключительный и въ такой же исключительной обстановкѣ, но мораль романа для меня ясна, какъ нельзя болѣе. Это—повѣсть о нищемъ духомъ человекѣ, который въ близкомъ и непосредственномъ общеніи съ Аленою, женой крестьянскаго, т. е. въ самой полной формѣ слиянія и общенія, не только не почерпнулъ силы для упавшаго духа, но окончательно распался и погибъ. Мораль эта значительна и драгоценна, ибо дѣйствительно для безхарактернаго, слабого человека ничего не можетъ быть хуже, какъ оторваться отъ родныхъ „свичаевъ“ и „обычаевъ“, поддерживающихъ существованіе традиціонно рутинаю, и обратиться къ новымъ условіямъ жизни, къ которымъ сначала нужно приспособиться, и которыя сначала нужно поборотъ и подчинить себѣ.

Ни на литературный талантъ, ни на значительность общественной морали, вытекающей изъ этой интересной пьесы, наша театральная критика, одна-

ко, не обратила никакого вниманія. А между тѣмъ пьеса сильна своею выпуклостью и характерностью. Въ ней есть что-то новое и свѣжее. По силѣ драматизма—или если вы противъ этого слова—по силѣ мелодраматизма она мѣстами напоминаетъ „Власть тьмы“. Истинный драматическій герой—не Гремучинъ, о непригодности котораго я читалъ много совершенно вѣрныхъ замѣчаній, но собирательное начало кромѣшной тьмы. Гоголь въ послѣсловіи къ „Ревизору“ не даромъ писалъ, что единственно честное лицо въ комедіи—это смѣхъ. Я позволю себѣ сказать, что истинно драматическое лицо въ пьесѣ „Баба“—есть ужасъ паденія человѣка.

„Баба“ разыгрывается превосходно, въ чемъ, впрочемъ, согласны всѣ рецензенты, отдающіе должное и грѣ г-жи Холмской, гг. Скуратова, Яковлева-Востокова и Мячина. Труппа „Русскаго Драматическаго театра“ пріятно поражаетъ свѣжестью тембра и натуральностью тона, не впадающаго, какъ это часто случается, въ сонливость.

А. К-ель.

О томъ, какъ я написалъ комедію нравовъ.

(Вмѣсто фельетона).

Прошу извинить, но это дѣйствительно была комедія нравовъ. И знаете—прекрасная комедія. Увѣряю васъ...

Я не тщеславенъ и не гордъ, у меня нѣтъ шишки самолюбія. Желая взглянуть себѣ въ глаза, я полѣзу на вершину Гималаевъ, я даже не становлюсь на дыночки. Но, когда я носилъ и вынашивалъ въ себѣ мою комедію нравовъ, я не былъ ординаренъ. На мнѣ была печать. Не скажу, чтобы я былъ похожъ на Мольера въ моменты творческихъ приливовъ, но человѣка съ кринкой молока я, во всякомъ случаѣ, напоминалъ весьма и очень. Такъ-же какъ и онъ, я былъ сосредоточенъ, медлителенъ и остороженъ въ движеніяхъ. Такъ-же какъ и онъ, я несъ полный сосудъ и боялся расплескать оный.

Ахъ, читатель, что за блаженная пора была эта пора ношенія сосуда! Я песъ и, понимаете, ежемгновенно сознавалъ, что несу. Городовой на углу Невскаго и Владимірской не могъ быть болѣе преисполненъ, чѣмъ былъ преисполненъ я. Достаточно было взглянуть на меня, чтобы сказать: „онъ преисполненъ“. И я былъ преисполненъ, и не день, не два, а годы. Цѣлые годы, читатель.

Вокругъ меня кипѣлъ круговоротъ жизни. Стѣзжали, вѣзжали, селились на дачахъ, соборовали, крестили, женились и разводились, а я преисполнялся, только преисполнялся, и больше ничего. Я жилъ среди образовъ, и образы жили во мнѣ. Шагъ за шагомъ, комедія нравовъ росла и крѣпла, и наконецъ—создалась, изъ области возможнаго, какъ сказалъ нѣкогда Бѣлинскій, перешла въ область бытія.

Это было пять актовъ, съ прологомъ и эпилогомъ. Въ каждомъ актѣ имѣлось соответствующее количество явленій.

— Но тема? Тема?—спросите вы.

Была и тема. Удивительная, превосходная, чрезвычайно даже превосходная тема. И главное—децентрализованная.

„Луна—балконъ, она и опъ“,—согласитесь сами, это старо и избито. Жизнь гигантскія шагаетъ впередъ и съ каждымъ шагомъ она дѣлается сложнѣе. Если прежде человечество жило оптомъ, то теперь оно живетъ въ розницу. На счетъ чувствъ наступила эра раздробительной продажи. Въ былое время человѣкъ жегъ храмъ Діаны и ни о чемъ другомъ, кромѣ этого храма Діаны не думалъ,—теперь иначе. По теперешнимъ временамъ человѣкъ запускаетъ супругѣ ножъ подъ пятое ребро и въ то же время ясно сознаетъ необходимость прибѣгнуть инициалы къ своимъ новымъ резиновымъ галошамъ,—въ трактирѣ не то какъ разъ подмѣнятъ. Равнымъ образомъ и жена, отправляясь на самое жестокое нарушеніе брачной чистоты, непременно и удивительно аккуратно приподымаетъ юбку,—на нашихъ улицахъ такая грязь, а тутъ еще резонныя шины...

Не тема, а десять, двадцать, сорокъ темъ у меня было въ моей комедіи. И я взялъ для нея соответствующія широкія рамки,—дѣйствіе, начинаясь въ Петербургѣ, продолжалось въ Крыму, на курортѣ, оттуда перескакивало въ Монте-Карло, задѣвало на обратномъ пути старушку-Москву и возвращалось въ Петербургъ.

Я врагъ повтореній, но тутъ я долженъ повторить—великолѣпная, капитальная, серьезнѣйшая комедія нравовъ была у меня!

Мой другъ Сеничка Куколкинъ, жеппе хотте лучшихъ сферъ, пришелъ въ восторгъ при чтеніи. Онъ былъ огуленъ, пораженъ, загипотизированъ и впасть въ тяжелый, почти мертвый сонъ уже въ началѣ второго акта. Зато Маріе Кирязова, барышня почти гениальная и притомъ вовсе не худощавая, пришла въ истерическій экстазъ,—рыдала въ моменты комическихъ и оглушительно хохотала въ патетическихъ.

Короче говоря,—моя комедія была готова. Въ ней тетрадь съ бѣлымъ ярлычкомъ, переписанная на три шрифта: рондо въ заголовкахъ, англійская скоропись въ текстѣ и итальянскій петать во всѣхъ à parte,—она была великолѣпна.

Каждый человѣкъ не прочь быть авторомъ; каждый авторъ не прочь стать драматургомъ, и нѣтъ такого драматурга, который не жаждалъ бы узрѣть свое дѣтище подъ прочными сводами казеннаго театра.

Я былъ человѣкъ, авторъ, драматургъ—остальное понятно. Но меня пугалъ литературно-драматическій комитетъ. Я терпѣть не могу ничего средневѣковаго, а комитетъ между тѣмъ удивительно напоминаетъ венеціанскій „совѣтъ десяти“,—та же таинственность, безапелляціонность и полное отсутствіе какихъ бы то ни было мотивовъ. Что будутъ они, неизвѣстные члены этого незримаго комитета, дѣлать съ моей комедіей? Какой приемъ установленъ у нихъ для чтенія—справа на лѣво, слѣва на право, сзади на передъ? Я недоумѣвалъ и стѣснялся.

Но меня выручилъ Сеничка Куколкинъ. Какъ жеппе хотте лучшихъ сферъ, онъ имѣлъ пріятныя связи съ дѣвствующими, вдовствующими и переставшими дѣвствовать, но еще не начавшими вдовствовать жрицами Мельпомены, Терпсихоры и Эвтерпы.

— Комитетъ? сказалъ онъ мнѣ,—это ерунда, мой милый. Pas du комитетъ,—комитетъ,—полимаешь? Никакихъ комитетовъ, а прямо къ ней, къ нашей

(См. за-границей).

Жезефъ Кайицъ.

Въ роли «Спрано де Бержерака».

несравненной... Она поставитъ въ свой бенефисъ и c'est tout...

И онъ далъ мнѣ адресъ:

— Voilà, mon cher...

Что за женщина! Боже мой, что за женщина оказалась эта несравненная!.. Когда я очутился въ ея будуарѣ и сѣлъ vis-à-vis ея кушетки,—потолокъ надо мной колыхался, стулъ казался раскаленнымъ сѣдлицемъ Ваала, въ ухѣ звенѣло, въ глазахъ...

Въ глазахъ была она, несравненная...

Но къ дѣлу. Я, послѣ приличнаго вступленія, развернулъ тетрадь и откашлялся. Но она остановила меня жестомъ Маріи Стюартъ изъ третьяго акта:

— Не надо... Это лишнее... Въ какихъ актахъ я?

Она! Ее вовсе не было,—у меня была комедія нравовъ, у меня были героини изъ директорскихъ женъ, генеральскихъ дочекъ, по ея не было.

— Вы?... смущенно лепеталъ я,—вы?..

— Ну да, я! Понимаете—моя роль. Чью роль вы мнѣ отдаете?

Я понялъ и сказалъ.

— Прекрасно... Въ какихъ актахъ?

— Во всѣхъ пяти...

— Прелестно... Такъ вотъ—прочтите мнѣ всѣ мои входы и выходы. Они эффектны?

Увы! Они оказались не эффектны и несравненная разочарованно оттянула нижнюю губку.

— Вы неопытны... Развѣ это комедія? Пять актовъ и ни одного порядочно ухода... Украдены всѣ вызовы...

И она дала мнѣ, не читая даже комедіи, дюжину замѣчательнѣйшихъ указаній. Смѣло могу сказать, что съ этой минуты ни одинъ герой у меня не входилъ иначе, какъ на карачкахъ, а уходилъ въ окно или каминную трубу. Героини рвали платки, хлопали дверями, размахивали пузырькомъ съ сѣрной кислотой...

Я имѣлъ позволеніе еще разъ явиться для „чтенія“ къ несравненной, но не рѣшался. Мнѣ хотѣлось предстать предъ ней въ видѣ кристально-чистомъ и отдѣланномъ. Мнѣ нужны были указанія пера опытнаго, съѣвшего пару собакъ на драматическомъ полѣ.

Тутъ путеводной звѣздой явилась мнѣ Маріе Киргизова. Какъ барышня, почти гениальная и притомъ отнюдь не худощавая, она имѣла непосредственное

и самое близкое касательство къ представителямъ литературы. Она не разъ ѣла макароны—соусъ томатъ съ популярнымъ редакторомъ „Новаго Времени“, подарила Шеллеру во время холеры набрюшникъ съ популярнымъ изъ корана, варила Боборыкину кофе на спиртовой лампочкѣ, донашивала перчатки Геропима Ясинскаго и даже съ Потапенкой, самимъ Потапенкой, танцевала кадрили-монстръ на студенческомъ балу.

Узнавъ, что и жажду опытнаго пера, Маріе Киргизова сунула мнѣ на голову шапку, а въ карманъ комедію и въ десять минутъ времени я уже стоялъ передъ дверью „самого“...

Nomina sunt odiosa, господа. Однимъ словомъ, это былъ „самъ“. Голова патриарха, взглядъ генерала, пиджакъ сверхъестественной добротности.

По дорогѣ Маріе Киргизова дала мнѣ штучки бульдегома „для голоса“. Я сосалъ ихъ съ самоотверженіемъ и чувствовалъ въ себѣ *tempor de roigine* самого чистаго отъявца. Но читать мнѣ не пришлось. „Самъ“ взялъ у меня тетрадку, расположился съ ногами на сафьяновой оттоманкѣ и сталъ отщелкивать страницу за страницей.

Я писалъ комедію четыре года, онъ прочелъ ее въ четверть часа. И во все это время я не моргнулъ и не вздохнулъ.

— Это вашъ первый опытъ,—сложилъ онъ, наконецъ, тетрадку.

Я отвѣтилъ неясно, но утвердительно.

— Ага... я такъ и думалъ. Въ васъ сразу виденъ новичекъ. Вы сухи, тяжелы, претенціозны, а главное—длины... безбожно длинны... Смотрите...

И, вставъ съ оттоманки, „самъ“ подошелъ къ столу и его карандашъ со скоростью двухъ миль въ секунду забѣгалъ по моей тетради.

— Вотъ... прологъ—къ чему прологъ? Долой прологъ... Вторая часть перваго акта прочь, начало второго тоже... Третій весь на смазку... Въ четвертомъ вотъ это, это; и это явленіе лишнее, пятый актъ живѣй, какъ можно живѣй... Къ чему эти прописи, истоптанныя истины?..

Я глядѣлъ на мою тетрадку и не могъ понять, что съ ней—пятнистый тифъ или черная оспа? Вѣрнѣе—то и другое вмѣстѣ.

„Самъ“ отбросилъ карандашъ.

— Исправьте... а потомъ...

Онъ задумался.

— А потомъ отправьтесь къ...

И онъ назвалъ мнѣ фамилію драматурга, у котораго отецъ, дѣдушка, бабушка и прабабушка были тоже драматурги,—драматурга, изъ пьесъ котораго можно было сложить башню Эйфеля, а гонораромъ дважды уплатить государственный долгъ Турціи.

— Ступайте къ нему... Онъ одинъ изъ тѣхъ, которые владѣютъ тайною современнаго успѣха. Онъ вамъ все это разсвѣтитъ, дастъ удары... Наше время, время художниковъ, прошло. Насъ смѣнили виртуозы.

Въ голосѣ „самого“ звучала тихая печаль дряхлѣющаго льва по адресу молодыхъ дрессированныхъ собачекъ. Въ его генеральскихъ глазахъ мнѣ почувдался даже огонекъ зависти.

— Вотъ вамъ моя карточка.

Мы вышли. Маріе Киргизова энергично трянула мнѣ руку.

— Vive la France!.. Вашъ успѣхъ обезпеченъ... Переписывайте и летите...

Я переписалъ. Это было не такъ трудно какъ прежде,—комедія нравовъ страшно исхудала подъ безжалостнымъ карандашомъ „самого“. Кожа и кости—отъ нея больше ничего не осталось.

На пятый день я былъ уже у „виртуоза“. Къ карточкѣ опъ отнесся съ несомнѣннымъ уваженіемъ,

по комедию читать мнѣ не далъ. Онъ погнулъ тетрадку въ одну сторону, потомъ въ другую и изъ тетради получился японскій вѣеръ,—страницы распахнулись съ очаровательной откровенностью передъ виртуозомъ и онъ могъ проникнуть въ самые тайники души моей комедіи.

Во время этого проникновенія онъ мычалъ, гмыкалъ, пипѣлъ и прищелкивалъ языкомъ. Резюме было изложено кратко:

— Не то!

Стрѣла отчаянія прободала крахмалъ моей голландской груди.

— По... по-че-му?..

— А потому.

И, жонглируя моей тетрадкой, владѣлецъ тайны современнаго успѣха заговорилъ авторитетно и рѣшительно:

— Комедія!.. Какія теперь къ чорту комедіи?.. Фарсы, батенька, нужны, а не комедіи. Этой кислотой теперь развѣ самовары чистить, а не сборы дѣлать... Фарсъ, понимаете—фарсъ, такой фарсъ, чтобы дохляя кобылы фыркали, а у капельдинерскихъ жилетовъ пуговицы отлетали, да-съ!..

Я сокрушенно поникъ,—фарсы не моя специальность, я чувствую призваніе къ комедіи нравовъ.

— Фарсъ, фарсъ и фарсъ—ничего кромѣ фарса!.. И у васъ, чортъ возьми, есть тутъ мотивчики..

Это было слишкомъ. Комедія нравовъ и вдругъ—мотивчики для фарса!..

— Да-съ, и не дурные.. Напримѣръ—вотъ эта новая любовь разведенныхъ супруговъ или эта почная сценка на курортѣ... Тутъ, батенька, такіе узоры выписать можно, что у кресель поджилки затрясутся, ей-Богу!..

Боже мой, объясненіе разведенныхъ и сцены въ саду—самыя патетическія мѣста въ моей комедіи!.. Нужно-ли говорить, что я стоялъ блѣденъ и недвижимъ.

— Но только, батенька, пяти-актіе-то вы побочку... Это ужъ ахъ оставьте,—три акта за глаза... Ахъ, чортъ возьми, такой бы я вамъ изъ вашего варева фарсыкъ сострипалъ, да не могу. Вѣрите—пяти минутъ свободныхъ нѣтъ, въ двѣ недѣли одиннадцать актовъ сварганить надо... Да вотъ что—сходите-ка къ одному тутъ человѣчку. Онъ у меня въ помощникахъ состоитъ,—стрипаетъ живо и съ перцемъ. Онъ вамъ въ моментъ все это обдѣлаетъ, любо-дорого... Скажите, что одинъ актъ—второй, по-бочку, четвертый съ пятымъ во-едино и притомъ—наоборотъ. Всю штуку наоборотъ: конецъ въ начало, а начало въ конецъ...

Мнѣ сунули адресъ, рекомендовали ѣхать сейчасъ же и вѣжливо выпроводили за дверь.

И я поѣхалъ. Что оставалось мнѣ, какъ не ѣхать? И поѣхалъ и засталъ „человѣчка“ въ компаніи съ длинноволосымъ субъектомъ въ поэтически затасканной жакеткѣ.

Я не успѣлъ объяснить и половины, какъ моя тетрадь была у меня вырвана.

— Bene, melius, optimo! Зажмите, сивьоръ, фонтанъ вашего велерѣчія,—будетъ сдѣлако. И актыкъ по боку съвздемъ и на лѣвую сторону вывернемъ. Понадобится—по всѣмъ швамъ распоремъ и пухъ по вѣтру выпустимъ... Asseyez-vous!..

Я сѣлъ.

„Человѣчекъ“ и длинноволосый субъектъ нещадно трепали мою тетрадку. До меня долетали отрывистыя восклицанія:

— Дрянъ!.. Къ чорту!.. Къ дьяволу въ корзинку!.. Гм... недурно... это тоже... Брысь!..

Я сидѣлъ и у меня ходили въ глазахъ зеленые круги.

(С.м. за-границей).

Ф. Ле-Борнѣ.

Между тѣмъ они, повидимому, совѣщались,—шептались, трясли тетрадку, чиркали карандашомъ, длинноволосый даже напѣвалъ что-то. Наконецъ они обратились ко мнѣ.

— Сивьоръ!

— Что прикажете?

— Ваше дѣтище устроено. Это будетъ удивительнѣйшая оперетка, понимаете?

— О... о-пе-ретка?..

— Да-съ, сногшибательная, сивьоръ Кабаллеро, оперетка. Въ русскомъ духѣ, но съ татарами, муэдзиномъ, крикомъ ишаковъ и ревомъ верблюдовъ...

— Па-а-звольте...

— Taisez-vous... никакихъ позвольте... Вотъ-съ, честь имѣю рекомендовать—Казтанъ Фуга, композиторъ, авторъ тридцати шести оперетокъ, ваша тридцать седьмая... Вы стихомъ владѣете?

— Н-яѣтъ...

— Плевать, я вамъ всажу дюжину куплетовъ... Вашего генерала мы въ отставнаго гусара превратимъ, этого профессора—въ антрепренера, а взъ вдовы миленькое созданье въ золотникъ вѣсомъ сдѣлаемъ... Сошрenez? И получите вы, ангелъ, за сезонъ полутысячу цѣлковыхъ—какъ пить дать... Фуга вамъ такой вальсъ съ дрыгальцемъ и польку со щекоткой вклеить, что на трактирныхъ органахъ играть будутъ, вѣрное слово!..

И представьте, читатель, все это такъ и есть! Изъ моей комедіи нравовъ превленькая оперетка вышла—„Пьяный амуръ“.

Примадонны главную роль съ боя берутъ,—сыграютъ пару разъ и удивительно выгодно на содержаніе попадаютъ...

А. Дѣяновъ.

(См. за-границей).

«Гедда» — опера Ф. Ле-Борнъ (дѣйствиѣ 2).

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Среди отзывов иностранной прессы объ «Евгении Онѣгинѣ» Чайковскаго, не лишена интереса характеристика нашего композитора, сдѣланная рецензентомъ «Berlin. Tagebl.», г. Л. Шмидтомъ.

«Инструментальная музыка Чайковскаго, говоритъ, между прочимъ, г. Шмидтъ, заслужила въ Германіи, и по праву, неодинаковую оцѣнку. Наряду съ дѣйствительно гениальнымъ, какъ, напримѣръ, исполненная въ прошлую зиму, подъ управленіемъ Никиша, патетическая симфонія, мы познакомились съ произведеніями, которыя, при высшемъ мастерствѣ, порою противорѣчатъ требованіямъ здраваго вкуса. Это объясняется жизнью композитора, который первоначально посвятилъ себя юриспруденціи и служебной карьерѣ, сталъ заниматься музыкою въ качествѣ диллетанта, и лишь потомъ, случайно сдѣлался музыкантомъ по профессіи. Его художественная индивидуальность является въ двухъ видахъ. Необузданное воображеніе прорывается иногда наружу, не останавливаясь ни предъ какими несообразностями. А рядомъ съ этимъ обнаруживается тихая грусть, почти нѣмецкая глубина чувствъ, которая иногда переходитъ въ чувствительность. Въ этомъ совмѣщеніи, можетъ быть, и заключается самое интересное его художественной манеры. При этомъ Чайковскій всегда талантливъ. Онъ всегда говоритъ изысканнымъ языкомъ; его изобрѣтательность, не отличаясь яркою индивидуальностью, всегда чужда банальности. Форма всегда отчеканена до совершенства. Всѣ эти черты присущи также музыкѣ «Онѣгина», единственной извѣстной намъ оперы русскаго композитора, очарованію которой не въ силахъ противостоять ни одинъ любящій серьезную и здоровую музыку... Въ сущности, и въ «Онѣгинѣ» Чайковскій остается только симфонистомъ. Музыкальная драма въ современномъ значеніи и не входила въ намѣренія композитора, который для своего произведенія благоразумно избралъ заголовокъ «лирическаго сценнаго». Лирическая сторона его дарованія получаетъ здѣсь наибольшее выраженіе».

Въ заключеніе берлинскій рецензентъ убѣждаетъ ставить въ Германіи балеты нашего композитора.

Помѣщаемъ портретъ извѣстнаго нѣмецкаго артиста Жозефа Кайнца, въ роли Сирано де Бержерака, передающаго всѣ типичныя черты лица этого поэта—забѣяки. Легендарный носъ рѣзче всего бросается въ глаза при взглядѣ на это худощавое лицо, озаренное взглядомъ большихъ умныхъ глазъ. Спутанная шевелюра очевидно не сводила знакомства съ гребнемъ, но ухарскіе усы, лихо распушенные подъ тѣнью огромнаго

носа, придаютъ этой физиономіи задорной видъ. Вообще гримъ нѣмецкаго артиста отличается большимъ сходствомъ съ извѣстнымъ историческимъ портретомъ Сирано-де-Бержерака, въ свое время также помѣщеннымъ въ «Театръ и Искусствѣ».

Даровитый французскій композиторъ Фернандъ Ле-Борнъ написалъ новую оперу «Гедда», либретто гг. Феррсе и Коллинъ.

Дѣйствиѣ происходитъ въ Норвегіи, въ одномъ изъ дикихъ, живописныхъ фьордовъ, причемъ сюжетъ мелодраматиченъ не по сѣверному. Опера была поставлена въ Opéra Comique, благодаря содѣйствию энергичнаго директора Э. Карре. M-lle Мари Гарнѣ и m-lle Лорини много содѣйствовали успѣху этой оперы.

Въ одномъ изъ № «Berliner Local-Anzeiger» помѣщена статья Людвигъ Барная, посвященная вопросу о театральнѣхъ пожарахъ. Статья эта, основанная на личныхъ наблюденіяхъ, не лишена нѣкотораго интереса и мы приводимъ изъ нея наиболѣе любопытныя выдержки.

«Недавно берлинской полиціей изданъ указъ относительно охранительныхъ мѣръ на случай пожара во всѣхъ городскихъ и загородныхъ театрахъ и собраніяхъ, указъ, въ которомъ предписывается имѣть зоркое наблюденіе надъ пожарной частью на сценѣ, такъ начинается своя статья Барная, — «это побуждаетъ меня сказать нѣсколько словъ относительно практикуемыхъ доселѣ мѣропріятій, вродѣ запасныхъ насосовъ, желѣзнаго занавѣса и т. д. Мы по опыту знаемъ, что желѣзный занавѣсъ не выполнилъ и не выполняетъ того, что отъ него ожидали. Отдѣляя собою зрительный залъ отъ охваченной огнемъ сцены, онъ мѣшаетъ пламени проникнуть въ публику. Но существуетъ другой, болѣе неотразимый злой духъ, который начинаетъ свое смертоубійственное дѣйствиѣ сейчасъ же послѣ паденія занавѣса. Это—паника. Страхъ смерти, ужасъ и стремленіе каждаго спастись какъ бы то ни было, какою угодно цѣною, даже цѣною жизни ближняго».

Эта страшная паника не устраняется желѣзнымъ занавѣсомъ, напротивъ того—она порождается имъ. Одинъ видъ этого желѣзнаго чудовища говорить публикѣ о большой, неминуемой опасности и заставляетъ ее терять рассудокъ».

Барная вспоминаетъ по этому поводу одинъ случай театральнаго пожара въ Берлинѣ во время представленія «Юлія Цезаря». «Я игралъ, —разсказываетъ онъ, —въ тотъ вечеръ роль Марка Антонія. Послѣ двухъ сильныхъ сценъ: смерти Юлія Цезаря и надгробнаго слова — я пошелъ въ уборную, чтобы отдохнуть и приготовить къ слѣдующему выходу. Вдругъ слышу дикие крики и возгласы, взывающіе о помощи. Открываю дверь. Да, дѣйствительно крики возрастаютъ и це-

реходя въ дикій ревъ. Зная, что по пьесѣ теперь не должно происходить на сценѣ никакихъ массовыхъ движеній, я догадываюсь, что крикъ этотъ вызванъ какими-нибудь другими причинами, и бросаюсь изъ уборной въ ту сторону, откуда раздаются голоса. Вдругъ блестящая толпа актеровъ, статистовъ, мастеровъ и театральныхъ служащихъ преграждаетъ мнѣ дорогу. «Куда вы! Остановитесь! Туда нельзя! Огонь!» «Пустяки» кричу я, и иду напроломъ. Нѣсколько рукъ схватываютъ меня и не позволяютъ мнѣ сдѣлать ни шагу впередъ. Тогда я выхватываю свой бутафорскій мечъ и кричу: «Кто посмѣетъ удерживать меня, тому я разможу черепъ!» Меня все таки не пускаютъ и я привожу въ исполненіе свое обѣщаніе, причемъ даже легко раню нѣкоторыхъ упряцевъ.

Кинувшись на сцену, я увидалъ, что пожаръ самый незначительный, который можетъ быть устраненъ домашними средствами. Но паника царитъ между рабочими, которые спѣшатъ спустить желѣзныя занавѣсы. «Остановите», кричу я техникамъ и своими руками пытаюсь сдержать падающую занавѣску. Мои команды оказали свое воздѣйствіе: занавѣсы подняли, публика успокоилась и прерванное представленіе могло продолжаться. Позднѣе мнѣ говорили, что берлинская публика была очень признательна мнѣ за эту энергію и хладнокровіе.

Какую же мѣру предлагаетъ Барнай противопоставить паникѣ? Оказывается, очень простую, а именно усиленіе пожарной команды, которая помѣщалась бы не только за кулисами, но и въ корридорахъ театра и въ фойе и даже въ зрительномъ залѣ. Въ случаѣ пожара, эти стражи общественного спокойствія должны оставаться на своихъ мѣстахъ и однимъ видомъ успокаивать взволнованную публику, бросающуюся къ выходамъ, какъ испуганное стадо. Содержаніе пожарныхъ командъ Барнай относитъ къ расходамъ театральной дирекціи и кончаетъ статью воззваніемъ къ своимъ коллегамъ, събѣгая имъ испробовать эту новую противопожарную и нельзя сказать, чтобы очень оригинальную мѣру.

Прага. (Отъ собств. корреспондента). Въ концѣ сентября начался у насъ зимній сезонъ. Новаго, впрочемъ, я принесъ мало, по крайней мѣрѣ въ Национальномъ театрѣ. Дирекція много общается публикѣ, но кормитъ до сихъ поръ незначительными новинками. Такъ, фарсъ Виссона «Ревнивая» запоздалъ немножко, и въ лѣтнемъ сезонѣ имѣлъ бы больший успѣхъ. Старая комедія Скриба «Стаканъ воды» не можетъ считаться у насъ новостью. Впрочемъ, для нѣкоторыхъ новыхъ актеровъ пьеса оказалась очень полезной. Всегда одинъ или два второстепенныхъ артистовъ послѣ дебютовъ выдвигаются. Съ этой точки зрѣнія, конечно, можно одобрить возобновленіе старыхъ французскихъ пьесъ. Изъ славянской литературы шла съ хорошимъ успѣхомъ польская драма Мацѣевского «Мартинъ Луба». На дняхъ пойдетъ извѣстная пьеса Роветти «Вечестные» — вотъ и все. Для начала зимняго сезона, это очень мало!

За то Выставочный театръ имѣетъ очень большой успѣхъ, хотя начинаются осенніе, холодные вечера. Репертуаръ очень хороший и труппа такъ же ревностна какъ и въ началѣ. Особенный успѣхъ имѣетъ фарсъ «Controleur des wagons-lits», пьеса Зудерманна «Бой бабочекъ» и Пальерона «Шекотливый вѣкъ». Изъ оригинальныхъ чешскихъ пьесъ отмѣтимъ «Студентовъ» г. Машка и «Утро» его же, кромѣ того «На дачѣ» г. Штольбы. Къ сожалѣнію, представленія кончаются 15 октября и превосходная труппа выѣзжаетъ въ провинцію.

Въ лѣтнемъ театрѣ г. Пиштека играла все лѣто американская труппа г. Лудвика, составленная изъ американскихъ чеховъ актеровъ. Репертуаръ главнымъ образомъ, — фееріи и пьесы изъ американской жизни, современной и прежней, война Сѣверной и Южной Америки и пр. Въ концѣ гастролей дается сенсационная пьеса «Капитанъ Дрейфусъ», нечего говорить, съ огромнымъ успѣхомъ. Въ октябрѣ труппа обратно выѣзжаетъ въ Америку.

Въ театрѣ барона Шванды открывается зимній сезонъ цикломъ новѣйшихъ пьесъ. Между прочимъ, пойдетъ на сценѣ: Чехова «Чайка», Балуцкаго «Гуси», Вага «Tschapperl», Фульды «Друзья молодости», Прево «Les Demi-vierges», Прибисевскаго «Вольшое счастье», Стриндберга «Отецъ», Зудерманна «Счастіе въ уголкѣ» и др. *Др. Борисъ Прусикъ.*

Провинціальная лѣтопись.

(Отъ нашихъ корреспондентовъ).

ОДЕССА. Русская драматическая труппа Н. Н. Соловцова сдѣлала за первый мѣсяцъ довольно хорошіе сборы, принимая во вниманіе, что сезонъ въ этомъ году открылся ранѣе обыкновеннаго, а въ августѣ многіе изъ одесситовъ проводятъ всегда за городомъ. Всего съ 20 августа по 20 сентября дано было 25 спектаклей, въ томъ числѣ два дневныхъ и одинъ благотворительный. Лучшіе сборы дали спектакли:

«На всякаго мудреца довольно простоты» (первый спектакль) 1,054 р. 18 к. «Безъ вины виноватые» 1,088 р., «Плоды просвѣщенія» 1,159 р. 68 к., «Вторая молодость» 1,244 р. 18 к., «Дядя Ваня» 1,095 р. 18 к., «Мужъ знаменитости» 1,449 р. 18 к., «Безъ предразсудковъ» 1,260 р., «Красавецъ» (Monsieur Alphonse) 1,559 р. 68 к., «Полусвѣтъ» (съ благотворительною цѣлью) 1,700 р., изъ нихъ въ пользу антрепренера 800 руб., «Madame Sans Cène» 1,465 р. 68 к.

Другіе спектакли сдѣлала сборы:

«Дѣло» 553 р., «Въ горахъ Кавказа» 761 р. 68 к., «Дама съ камеліями» 835 р. 18 к., «Заяцъ» 579 р. 98 к., «Дикарка» 603 р. 98 к., «Предательница» (Графъ де-Ризооръ) 616 р. 18 к., «Дядя Ваня» (во второй разѣ) 341 р. 18 к., «Преступница» 501 р. 68 к., «Надо развѣдаться» (гастроль артистки г-жи Ильинской) 868 р. 18 к., «Защитникъ» (во второй разѣ) 279 р. 98 к., «Мужъ знаменитости» (во второй разѣ) 701 р. 68 к., «Красавецъ» (Monsieur Alphonse, во второй разѣ) 514 р. 8 к.

Дневные спектакли дали: «Безъ вины виноватые» 258 р. 25 к., «Безприданница» — 446 р. 25 к.

Всего за 23 вечернихъ и 2 утреннихъ спектаклей выручено 19,837 р. 63 к., что составляетъ свыше 900 р. на кругъ.

САРАТОВЪ. За первые полмѣсяца драматическое товарищество г. Бородая получило по 31 коп. на марку, т. е. въ мѣсяцъ это составило бы 62 коп. Если принять въ соображеніе, что сентябрь — время для зимняго театра неважное, то товарищество не можетъ пожаловаться на невниманіе публики. Сборы, однако, были бы еще больше, если бы не народный театръ, который долженъ считаться чувствительнымъ конкурентомъ даже и для солидной труппы Бородая. — За истекшія двѣ недѣли шли, между прочимъ, «Марія Стюартъ», «Разбойники», «Венеційскій Истуканъ», «Дормоѣдки», «Спиритизмъ Сарду», «Золотая Ева», «Права мужа» и др. Къ постановкѣ «Маріи Стюартъ» товарищество отнеслось внимательно, во надлежащаго успѣха все-таки не получилось и, по нашему мнѣнію, не могло получиться; актерамъ, привыкшимъ разыгрывать современные пьесы, трудно перейти въ тотъ особый тонъ, какой требуется для классическаго репертуара. Въ частности, роль Елизаветы, сверхъ ожиданія, оказалась не по средствамъ г-жи Немировой-Ральфъ, артистки заслуженной и имѣвшей въ другихъ роляхъ крупный успѣхъ на нашей сценѣ. Въ Елизаветѣ г-жа Немирова какъ-то странно повышала и понижала голосъ, проглатывала концы фразъ, и вмѣстѣ сильнаго драматизма въ сценѣ встрѣчи съ Маріей слышалась скандовка стиховъ съ непонятными изтонациями. г. Чернышеву-Борлейфъ также пришлось не по плечу: мало разнообразія въ нюансахъ и слишкомъ много демонизма. г. Соколовскому въ Лейстерѣ осталось нѣсколько фразъ и онъ сказалъ ихъ, можетъ быть, даже съ излишней простотой, несоотвѣтствующей возвышенному стилю шиллеровской трагедіи. Большой похвалы, почти безусловной, заслуживаетъ только г-жа Свободина въ заглавной роли. Нѣсколько глуховатый голосъ, конечно, не позволяетъ давать много драматическаго подъема, но зато изящество, умное толкованіе роли, прекрасная декламация стиха, наконецъ, счастливая сценическая вышность — все это дѣйствовало на зрителя въ самомъ выгодномъ отношеніи для исполнительницы. Двумъ новинкамъ, «Спиритизму» и «Золотой Евѣ», не посчастливилось. Обставлены онѣ были, въ общемъ, удовлетворительно, но, очевидно, ни замысловатый сюжетъ Сарду, ни продолжительное остроуміе «Золотой Евы» не могли заинтересовать нашу публику; пьесы едва-ли будутъ повторены. Въ репертуарѣ слѣдующихъ дней, стоятъ: «Эркани», «Шейлокъ», «Нора» и «Ивановъ» А. П. Чехова.

Въ народномъ театрѣ матеріальныя дѣла очень недурны. Театръ приспособляется для зимняго сезона и, по всей вѣроятности, на дешевыя цѣны найдетъ много желающихъ, особенно съ отъѣздомъ труппы г. Бородая и съ пріѣздомъ оперы. Въ пятницу, 18-го сентября, въ комедіи «Не въ свои сани не садись» выступилъ давнишній знакомый саратовцевъ, даровитый актеръ г. Любскій. Какую силу потерялъ русский театръ въ этомъ артистѣ. Какой большой талантъ брошенъ и зарытъ! Это долженъ сказать всякій, кто хоть разъ видѣлъ г. Любскаго. Лѣтъ пять тому назадъ мы видѣли г. Любскаго въ Гамлетѣ, на подожженіи того же случайнаго «гастролера», и никогда не забудемъ нѣсколькихъ фразъ, брошенныхъ въ публику со стихійной силой природнаго таланта. Такъ и теперь. Роль Русакова передана неравно, отрывками, но въ этой

игръ были такіе блестящіе моменты, до которыхъ достигаютъ немногіе изъ артистовъ, взлелеявшихъ свои дарованія. Публика встрѣтила громомъ аплодисментовъ,—конечно по старой симпатіи къ г. Любскому. 24-го сентября онъ снова выступаетъ въ Народномъ театрѣ, въ «Шейлокѣ». Изъ другихъ артистовъ этого театра отмѣтимъ г. Баскакова, хорошаго комика, г-жу Ромаскевичъ, очень недурную исполнительницу главныхъ женскихъ, и г. Марковскаго, какъ толковаго режиссера и актера. Г-жа Крестовская хороша въ характерныхъ и бытовыхъ роляхъ, но не въ роляхъ драматическихъ героинь. Любители, по мѣрѣ умѣнья и опытности, поддерживаютъ ансамбль; и жалъ, если претендовать на первый роли...

Съ 2-го сентября открылся циркъ бр. Никитиныхъ. При саратовской слабости къ физическимъ упріжненіямъ, къ искусству лошадей и собакъ, весьма возможно, что онъ сильно повліяетъ на дѣла обоихъ театровъ. *Постоянный.*

ТАМБОВЪ. Въ августѣ и сентябрѣ у насъ въ лѣтнемъ театрѣ спектаклей не было за исключениемъ двухъ любительскихъ,—приказничьяго и студенческаго.

Зимній театръ «Наслѣдниковъ Гонель» (передѣланный изъ казармъ), сдать на предстоящій сезонъ 1898—99 г. А. А. Прозорову. Въ настоящее же время спектакли подь его дирекціей (какъ гласитъ театральное объявленіе) начнутся съ воскресенья 27 сентября. Какая пьеса пойдетъ для открытія сезона—пока неизвѣстно. Составъ труппы слѣдующій: женскій персоналъ: г-жи В. И. Бахтіарова, В. А. Вриная. О. Е. Горшенкова О. Н. Каменская, Н. Н. Азарова. А. Ф. Барнесъ-Зайцева, А. А. Романовская. С. Ф. Сѣверская, Д. А. Дирская и др. Мужской персоналъ: гг. В. Г. Лаптевъ. И. Д. Болдыревъ. А. А. Прозоровъ, Ф. Ф. Холминъ, В. А. Павличенко, Н. А. Перевозчиковъ, И. А. Добровольцевъ, Л. А. Караминъ, Н. И. Разумовъ, И. М. Камсіій, И. И. Сабининъ. Режиссеръ И. Д. Болдыревъ, помощ. режис. И. А. Добровольцевъ, декораторъ-художникъ В. А. Павлевко, суфлеръ И. И. Сабиновъ. Амплуа артистовъ и артистовъ почему то не обозначены. Хотя этотъ пробѣлъ въ объявленіи быть можетъ по мнѣнію антрепренера и не особенно важенъ, но для публики это имѣетъ нѣкоторое значеніе, особенно для постоянныхъ театраловъ.

Репертуаръ будетъ состоять изъ драмъ, комедій, фарсовъ, феерій и водевилей съ пѣніемъ. Новая пьеса предполагается къ постановкѣ слѣдующія: «Волшебная сказка» Потаненко, «Грѣхъ цопуталъ», «Чужіе», «Омутъ», «Подорожникъ»; фарсы: «Мужъ охотится», «Право любить», «Пикантный процессъ», «Кокша и Тестоша», «Контролеръ спальныхъ вагоновъ», «Ревнивица», «Сверхъ комплекта»; феерія (?): «Потонувшій колесколъ», «Принцесса Греза». «Въ лѣсахъ Индіи», «На берегахъ Гонга», «XX вѣкъ».

Хотя г. Прозоровъ уже не въ первый разъ въ Тамбовѣ и отчасти знакомъ съ здѣшней публикой, но послѣ такой труппы, какъ труппа казанско-саратовскаго товарищества, довольно трудно вести театральное дѣло въ Тамбовѣ съ надлежащимъ успѣхомъ. Да и театръ лѣтній нельзя сравнивать по удобствамъ съ теперешнимъ зимнимъ. Лѣтній просторенъ, свѣтелъ и въ антрактахъ есть гдѣ погулять и подышать воздухомъ. Зимній же театръ—какая то адская яма; темнога и тѣснога страшная, во время антрактовъ дѣваться некуда, фойе маленькое, загроможденное мебелью со сцены. Между тѣмъ мебель эту можно было бы помѣстить подь фойе. Тогда бы и публику не беспокоили, въ фойе было бы просторнѣе и на сцену брать мебель удобнѣе. Не мѣшало бы г. Прозорову заняться этимъ и устранить такіа неудобства, вѣдь это обстоятельство имѣетъ немаловажное значеніе и на которое нельзя смотрѣть спустя рукава. *А. О.*

ВАРШАВА. Наконецъ, и у насъ наступилъ конецъ монополіи правительственныхъ театровъ. Драматическому писателю г. Пржибыльскому разрешено открыть зимній драматическій театръ при условіи, чтобы, во первыхъ, въ театрѣ давался исключительно легкой репертуаръ: водевили, фарсы и легкія комедіи, и во вторыхъ—чтобы онъ не ставилъ у себя вещей, идущихъ или предполагаемыхъ къ постановкѣ на сценѣ Драматическаго театра, для чего еженедѣльно онъ обязанъ представлять свой предполагаемый репертуаръ на утвержденіе управленія правительственныхъ театровъ. Труппа г. Пржибыльскимъ почти окончательно сформирована изъ лучшихъ провинціальныхъ силъ. Подъ театръ предполагается предѣлать зимній манежъ на Ординатской улицѣ, рядомъ съ циркомъ. Успѣхъ такого театра предвидѣть трудно.

ЕНАТЕРИНОСЛАВЪ. Открытіе зимняго сезона въ театрѣ аудиторія народныхъ чтеній послѣдуетъ, какъ оповѣщаетъ расклеивное по городу театральное объявленіе, въ послѣднихъ числахъ сего сентября. Для постановки драматическихъ спектаклей въ названномъ театрѣ сформирована г-жи В. И. Никулинымъ на весь зимній сезонъ труппа русскихъ артистовъ, составъ которыхъ слѣдующій. Женскій персоналъ: Е. И. Шенина — героиня и грандъ кокетъ, О. С. Таманцева — героиня и драмат. грандъ-дамъ, Е. В. Богучарова, А. К. Колосова и А. А. Дариганъ—ingénues, Ф. И. Шеглова и Е. Т. Айвазовская—драматич. и комич. старухи, Д. В. Галицкая—пожилыя роли, Е. А. Кожановичъ и А. К. Мирская—вторыя женщины, М. В. Буйнова и А. В. Симонова — вторыя и третьи

роли. Мужскій персоналъ: гг. К. А. Гаринъ—герой-резонеръ, В. И. Никулиня — сильныя драм. роли и любовникъ; И. А. Борисовскій—комикъ и характерныя роли, Д. Ф. Смирновъ—фатъ и салонный резонеръ, М. И. Акимовъ—проstackъ, В. Ш. Викторовъ—комикъ-резонеръ, А. Г. Васильевъ—второй любовникъ, Н. П. Осмоловскій—комическія роли, И. В. Яковлевъ и А. П. Сѣраковскій — вторыя комич. роли и пр. Задача, взятая на себя г. Никулинымъ — составленіе разнообразнаго репертуара. Не меньше позаботился г. В. И. Никулиня и о доступности посѣщенія театра для населенія, понизивъ цѣны на мѣста на весь зимній сезонъ, противъ существовавшихъ до сихъ поръ, почти на половину, причеиъ плата за бивокли и храненіе платья отмѣнены. Кроме того, разъ въ недѣлю будутъ ставиться спектакли по уменьшеннымъ цѣнамъ, а въ теченіе всего сезона по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ дано будетъ восемь дневныхъ народныхъ спектаклей по цѣнамъ отъ 3 коп. до 55 к. и восемь безплатныхъ для учащихъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній. Для послѣднихъ, по окончаніи спектакля, будутъ устраиваться литературно-музыкальныя отдѣленія.

С. К.—сѣ.

НИЖНИЙ-НОВГОРОДЪ. 14 го сентября въ нашемъ городскомъ театрѣ, состоялось открытіе сезона. Шла пьеса Сумбатова: «Цѣни», съ участіемъ г-жъ Саблиной-Дольской, Андросовой, Дальской, гг. Лавровскаго, Дара-Владимирова и другихъ. На первый разъ игра артистовъ особаго впечатлѣнія на публику не произвела. Шедшая послѣдъ затѣмъ (16 сент.) пьеса Островскаго: «Послѣдняя Жертва» имѣла успѣхъ. Третій спектакль, «Злая Яма»—эта правдивая драма дѣйствительной жизни, благодаря даровитой артисткѣ г-жѣ Андросовой и г. Тройницкому—произвелъ на зрителей сильное впечатлѣніе.

Какъ мы слышали, г. Лавровскій — драматическій герой и опора труппы — впадь въ тихое помѣшательство. Русское Театральное Общество хлопочетъ въ настоящее время о призрѣвіи больнаго артиста.

ВИЛЬНА. Зимній сезонъ, Антреприза А. Н. Незлобина. Составъ труппы: г-жи В. Л. Дбарова, Е. А. Алексѣева, М. Г. Антонова, В. Л. Казина, Е. И. Лермина, А. П. Нелюбова, В. Н. Пшесецкая, С. И. Рассатова, А. В. Ростовцева, Н. Н. Самарина, В. Ф. Соболева, Н. И. Тенишева, И. И. Травская; гг. М. М. Воробецъ-Сперанскій, Ю. В. Вѣлгородскій, И. И. Редикъ, Я. С. Градовъ, Д. Я. Грузинскій, Л. М. Добровольскій, М. Л. Массинъ, А. Ф. Минаевъ, К. Н. Незлобинъ, В. И. Нероновъ, В. И. Никитинъ, Ф. А. Норинъ, М. В. Петровъ, Я. М. Подольскій, Н. И. Ржезскій, В. Г. Слободкинъ, М. Я. Степановъ, М. К. Стрѣльскій, П. И. Тунковъ, В. Ф. Яснинъ; режиссеръ А. И. Тунковъ, помощники режиссера: Я. Е. Градовъ и В. И. Никитинъ, суфлеры: Востоковъ и Минаевъ, декораторъ Игнатъевъ. Оркестръ подь упр. Ступелл. Для открытія сезона возобновляется «Горе отъ ума» при новой обстановкѣ и костюмахъ.

НОВОЧЕРКАССКЪ. Антрепренеръ новочеркаскаго театра С. И. Крыловъ намѣренъ въ текущемъ сезонѣ отражать два раза въ недѣлю часть своей труппы въ заканчивающійся теперь отдѣлкой нахичеванскій театръ. Будутъ чередоваться драматическіе и опереточные спектакли.

ПЕНЗА. Въ зимнемъ театрѣ П. М. Вышеславцева сформирована большая драматическая труппа (дирекція Н. М. Бориславскаго). Общій составъ труппы — женскій персоналъ: г-жи Вронская-Бориславская, Муратова (сильно-драматическій и героическія роли); Кварталова Пальмина (ingénue-dram.), Чалѣева (grande-coquette), Трубецкая (водевили съ пѣніемъ и ingénue comique); Попова (бытовыя роли и водевили съ пѣніемъ); Златопольская (комическая старуха); Григорьева, Алексѣева (grandes-dames); Инстякова (вторыя ingénue); Черныява (вторая комическая старуха); Надинова, Данилова (вторыя роли); Черкасова и Викторова; гг. Матѣевъ (драмат. и героич. роли); Семеновъ-Самарскій (резонеръ-фатъ); Ростовъ (драматич. любовникъ); Лавровъ-Орловскій (комикъ-резонеръ); Бориславскій; Половцовъ, Стрепетовъ, Григорьевъ, Черняевъ, Нальскій, Даниловъ, Владимировъ, Аксаковъ, Никифоровъ, Васильевъ, Инсаровъ, Вельскій, Мироновъ и др. Администрация театра: режиссеръ г. Семеновъ-Самарскій, помощникъ его г. Васильевъ; суфлеръ г. Владимировъ.

СТАВРОПОЛЬ-КАВКАЗСКІЙ. Антреприза О. П. Долинской-Лавровской. Драма. Открытіе 15 октября.

ВЛАДИКАВКАЗЪ. Товарищество М. С. Савиной. Драма и оперетта. Открытіе 4 октября.

СИМФЕРОПОЛЬ. Антреприза г. Полина-Строена. Драма. Открытіе 1-го октября.

ИРКУТСКЪ. Антреприза А. А. Кравченко. Драма и опера. Открытіе 23 го августа. «На жизненномъ цирку». Сборъ 1200 р.

КОЗЛОВЪ. Зимній сезонъ въ театрѣ г. Злобина начинается въ двадцатыхъ числахъ сентября мѣсяца сего года; антрепризу взялъ артистъ Фроловскій, бывший въ прошломъ году управляющимъ труппы нашего театра у г. Томскаго. Въ числѣ другихъ новинокъ къ постановкѣ на козловской сценѣ предназначается «Тяжелый трудъ» доморощенная пьеса одного мѣстнаго любителя В. П. Ч—на, только что вышедшая изъ цензуры. Сюжетъ и типы взяты изъ козловской жизни. Те-

атръ немного отремонтированъ: сцена расширена, уборныя перенесены внизъ, къ сожалѣнью буфетъ все еще остался около зрительной валы.

А. К.

ВЕЛИНІЯ-ЛУНИ (Псковской губ.). Составъ труппы городского театра: антреприза Ф. И. фонъ Эльтерманъ-Кремлевскаго. Г-жи М. И. Маркина, grande danse и героиня; М. И. Никольская, ingénue dramatique и молодая героиня; М. М. Марусина, ingénue comique и водевилы съ пѣніемъ; А. В. Бѣльская, драматическая и комическая старуха; М. И. Александрова, 2 я роли. Гг. Ф. П. Кремлевскій, драматическій любовникъ и фатъ; И. Г. Гавриловъ, первый комикъ и драматич. резонеръ; А. П. Богдановъ, 2-й любовникъ и простакъ; А. Н. Козаковъ, второй резонеръ; П. П. Нестеровъ, простакъ; П. Н. Васильевъ, второй резонеръ. Режиссеръ Ф. И. Кремлевскій, помощникъ режиссера П. Нестеровъ, суфлеръ М. Чулочниковъ, декораторъ Я. Ленскій. Открытіе предполагается 20 октября. Репертуаръ—современныя пьесы.

УМАНЬ. Зимній сезонъ откроетъ у насъ въ городскомъ театрѣ опереточная труппа В. В. Чарова. Въ составъ труппы входятъ слѣдующія лица: г-жи Фролова (меццо сопрано), Соколова и Ростова (сопрано), Бибина (комич. роли), Саржинская, Миловидова и Шульцъ (2-я роли), Цимбергъ, Стороженко, Тонская, Ярославская и др., и гг. Давидовъ (теноръ), Гетмановъ (баритонъ), Звягинцевъ (комикъ-буффъ) Авдеевскій и Вадимовъ (комики), Поповъ и Каринскій (простаки), Карповъ (басъ), Стороженко, Каганъ и Николаевъ (2-я роли). Капельмейстеръ г. Шульцъ. Режиссеръ В. Чаровъ. Хоръ состоитъ изъ 24 чел. Въ репертуаръ входятъ слѣдующія пьесы: «Мартынъ рудокопъ», «Продавецъ птицъ», «Мадамъ Санъ-Женъ», «Заколдованный замокъ», «Славный тостокъ», «Корневильскіе колокола», «Цыганскій баронъ», «Прекрасная Елена», «Волшебникъ Нико» и др.

Для перваго дебюта 24 сентября пойдетъ «Красное Солнышко». Труппѣ можно предсказать успѣхъ, такъ какъ опереточная труппа у насъ почти кровинка.

КАЛУГА. 15 сентября у насъ начались «гастроли» русской драматической труппы подъ управленіемъ самого антрепренера Н. Д. Тиллинга-Кручинина и Е. Ф. Боуръ. Въ труппѣ участвуютъ: на роли героинь г-жи Дагмарова и Мондшейнъ, ingénies г-жи Уманецъ Райская, Крельская и Холмская (?); вторыя роли г-жи Ларина, Зимина, Давыдова и Константинова; на роли героев—гг. Петровъ-Краевскій и Тугановъ. Комикъ г. Боуръ, резонеръ г. Бушманъ, старыя роли гг. Карминъ, Константиновъ, Сварскій, Ларинъ, Путинцевъ, Ге (М) и Эксплатовскій. Режиссеръ Е. Ф. Боуръ. Для перваго спектакля шла: «Дама съ камеліями» и водевилъ «По памятной книжкѣ»; во второй—17 сентября, шель: «Кинъ»; въ третей «Трильби». На воскресенье утромъ былъ назначенъ общедоступный народный спектакль и для учащихъ, но почему-то не состоялся безъ анонсовъ, такъ что учащія мѣстныхъ среднихъ учебныхъ заведеній напрасно прогулялись до театра и должны были идти домой, чуть-ли не со слезами на глазахъ. Вечеромъ, шла пьеса «Въ новой семьѣ»—драма Вл. Александрова, въ которой у насъ съ успѣхомъ выступила г-жа Мондшейнъ въ роли Натальи Николаевны и 5 актъ «Равбойниковъ»—Шиллера, въ которомъ трагикъ г. Петровъ-Краевскій оставялъ желать многого. На 22-е сентября назначено «Мученики страсти»—драма Мансфельда и фарсъ въ 3 д., «Бубынъ ковыри»—соч. Константинова съ участіемъ автора. Труппу можно назвать ср. дней, она состоитъ изъ молодыхъ, но добросовѣстныхъ артистовъ. Съ конца сентября или начала октября ожидается у насъ ачало оперныхъ спектаклей.

К.

РЕПЕРТУАРЪ

Императорскихъ с.-петербургскихъ театровъ.

Съ 28 го сентября по 12 е октября 1898 г.

Александринскій театръ. Понедѣльникъ, 28-го сентября: «Загадки жизни», драма—Вторникъ, 29-го сентября: Въ 1-й разъ: «Двѣ судьбы», пьеса.—Среда, 30-го сентября: «Загадки жизни», драма.—Четвергъ, 1-го октября: «Горе отъ ума», ком.—Пятница, 2-го октября: «Двѣ судьбы», пьеса.—Воскресенье, 4-го октября: Утромъ: «Недоросль», комедія; «Въ чужомъ ириу похмѣлье», карт. (Пѣны мѣстамъ уменьшенныя). Вечеромъ: «Безприданница», драма.—Понедѣльникъ, 5-го октября: «Двѣ судьбы», пьеса.—Вторникъ, 6-го октября: «Безприданница», драма.—Среда, 7-го октября: «Джентльменъ», ком.—Четвергъ, 8-го октября: въ 1-й разъ: «Наталья Борисовна Шереметьева», драма.—Пятница, 9-го октября: «Двѣ судьбы», пьеса.—Воскресенье, 11-го октября: Утромъ: «Ревизоръ», ком. (Пѣны мѣстамъ уменьшенныя). Вечеромъ: «Загадки жизни», драма.

Михайловскій театръ. Понедѣльникъ, 28-го сентября: «Le docteur Jojo», com. (Abonn. suspendu).—Вторникъ, 29-го сентября: «Le docteur Jojo», com. (1-er abonnement, spectacle № 2).—Среда, 30-го сентября: «Юность», драма; «Мнимый больной», ком.—Четвергъ, 1-го октября: «Le docteur Jojo», com. (2-ème abonnement, spectacle № 2).—Пятница, 2-го октября: Въ 1-й разъ: «Блестящая карьера», ком.—Суббота, 3-го октября: «Début de m-elle Marguerite Baretу du théâtre de l'Odéon. Début de m-elle Starck du théâtre du Gymnase. «Le demi-monde», com. (Abonnement suspendu).—Воскресенье, 4-го октября: «Блестящая карьера», ком.—Понедѣльникъ, 5-го октября: «Début de m-elle Baretу du théâtre de l'Odéon. Début de m-elle Starck du théâtre du Gymnase. «Le demi-monde», com. (Abonn. suspendu).—Вторникъ, 6-го октября: «Début de m-elle Baretу du théâtre de l'Odéon. Début de m-elle Starck du théâtre du Gymnase. «Le demi-monde», com. (1-er abonnement, spectacle № 3).—Среда, 7-го октября: «Юность», драма; «Мнимый больной», ком.—Четвергъ, 8-го октября: «Début de m-elle Baretу du théâtre de l'Odéon. Début de m-elle Starck du théâtre du Gymnase. «Le demi-monde», com. (2-ème abonnement, spectacle № 3).—Пятница, 9-го октября: «Блестящая карьера», ком.—Суббота, 10-го октября: «Début de m-elle Jane Rabuteau du théâtre de l'Odéon. «Le vieux garçons», com. (Abonn. suspendu).—Воскресенье, 11-го октября: «Гибель Содома», драма.

Мариинскій театръ. Понедѣльникъ, 28-го сентября: «Фераморскъ», опера (г-жи Козаковская, Славина; гг. Чупрыниковъ, Тартаковъ, Бухтояровъ и др.) (2 представленіе 1 абонемент).—Вторникъ, 29-го сентября: «Евгеній Онѣгинъ», опера (г-жи Медея-Фигнеръ, Долина, Луанцова; гг. Фигнеръ, Яковлевъ, Титовъ, Майборода и др.).—Среда, 30-го сентября: «Аида», опера (г-жи Козаковская, Славина; гг. Морской, Свириновъ, Серебряковъ и Фрей) (1 е представленіе 3-го абонемент).—Четвергъ, 1-го октября: «Рогнѣда», опера (г-жи Каменская, Насилова; гг. Ершовъ, Яковлевъ, Майборода, Бухтояровъ, Касторскій и др.) (3-е представленіе 2-го абонемент).—Пятница, 2-го октября: «Ромео и Джульетта», опера (г-жи Михайлова, Фриде; гг. Фигнеръ, Черновъ, Шароновъ, Серебряковъ, Фрей и др.).—Воскресенье, 4-го октября: Утромъ: «Евгеній Онѣгинъ», опера (г-жи Медея-Фигнеръ, Долина, Фриде; гг. Фигнеръ, Яковлевъ, Титовъ, Майборода и др.). Вечеромъ: «Ацисъ и Галагея», балетъ (г-жа Преображенская); «Пахита», балетъ (г-жа Кшесинская 2-я) (7-е представленіе абонемент).—Понедѣльникъ, 5-го октября: «Рогнѣда», опера (г-жи Каменская, Насилова; гг. Ершовъ, Угриновичъ, Яковлевъ, Серебряковъ, Бухтояровъ, Касторскій и др.) (2-е представленіе 4-го абонемент).—Вторникъ, 6-го сентября: «Карменъ», опера (г-жи Медея Фигнеръ, Мравина, Насилова, Слатина; гг. Фигнеръ, Титовъ, Фрей и др.).—Среда, 7-го октября: «Спящая красавица», балетъ (г-жа Кшесинская 2-я) (8-е представленіе абонемент).—Четвергъ, 8-го октября: «Фераморскъ», опера (г-жи Козаковская, Долина; гг. Чупрыниковъ, Шароновъ, Фрей и др.) (3-е представленіе 5-го абонемент).—Пятница, 9-го октября: «Евгеній Онѣгинъ», опера (г-жи Медея-Фигнеръ, Насилова, Фриде; гг. Фигнеръ, Яковлевъ, Титовъ, Майборода и др.).—Воскресенье, 11-го октября: Утромъ: «Жизнь за Царя», опера (г-жи Мравина, Долина; гг. Морской, Серебряковъ и др.). Вечеромъ: «Млада», балетъ (г-жа Кшесинская 2-я) (9-е представленіе абонемент).

О В Ъ Я В Л Е Н І Я .

РУССКІЙ ДРАМАТИЧЕСКІЙ ТЕАТРЪ

(В. А. НЕМЕТТИ, Офицерская, № 39).

Дирекція А. В. Амфитеатрова.

Въ Воскресенье, 27-го Сентября, др. въ 5 д. изъ ром. кп. Дм. Голицына (Муравлина).

„БАБА“

„ВОЛШЕВНЫЙ ВАЛЬСЪ“,

шутка въ 1 дѣйстви съ пѣніемъ Анатолий Шмидгофъ.

Въ понедѣльникъ, 28-го, въ 1 разъ «БЕЗУМЦЫ», пьеса г. Михеева «ТУЧКИ НЕБЕСНЫЯ», вод. въ 1 д.—Во вторникъ, 29-го, «БАБА», др. въ 5 д. изъ ром. кп. Дм. Голицына (Муравлина). «ВОЛШЕВНЫЙ ВАЛЬСЪ», вод. въ 1 д.— Въ среду, 30-го, во 2 разъ пьеса г. Михеева «БЕЗУМЦЫ» и «ТУЧКИ НЕБЕСНЫЯ», вод. въ 1 д.—Въ четвергъ, 1-го окт. «СВАДЬБА КРЕЧИНСКАГО», Ком. въ 4 д. Сухова-Кобылина «ДОРОГОЙ ПОПѢЛУЙ», вод. въ 1 д.—Въ пятницу, 2-го, «БАБА», др. въ 5 д. и т. д. «ВОЛШЕВНЫЙ ВАЛЬСЪ».

Дальвѣйшій репертуаръ: оригинальная драма, комедія, водевиль.

Дирекціей приобрѣтено право постановки 12 новыхъ пьесъ извѣстнѣйшихъ русскихъ драматурговъ.

По Воскресеньямъ общедоступные утренние спектакли, репертуаръ коихъ составляется изъ пьесъ классическихъ.—Подробности репертуара будутъ объявлены особо.

П Е Р С О Н А Л Ъ :

Г-жи:	Г-жи:	Г-да:
Брянская-Коврова, М. С.	Ржевская, О. Н.	Бѣлина-Бѣлиновичъ М. Н.
Бѣгичева, А. И.	Погрехова, Н. Е.	Дунаева, П. А.
Иванова Пименова, А. Н.	Холмская, З. В.	Мячневъ, М. П.
Ивяна, Л. Н.	Мунова-Шмидгофъ Е. В.	Озеровъ, В. В.
Константинова, Е. А.	Чернова, Л. О.	Скуратовъ, П. Л.
Легать, Е. Л.	Шадрина, А. К.	Статковский, Э. О.
Гордѣева, Н. З.	Г-да:	Полонскій, А. С.
Марлинская, Е. П.	Басмановъ, Д. И.	Петропавловскій, П. Н.
Крылова, О. М.	Бастуновъ, Э. Д.	Яковлевъ-Востоковъ, Г. А.
Орская, А. М.	Вестеръ, Г. И.	Федотовъ, А. С.
Райская, И. В.	Волоховъ, Н. В.	Форкати, В. Л.

Режиссеръ Э. Д. Бастуновъ. Помощникъ режиссера С. А. Островскій. Суфлеръ М. Г. Андреевъ. Декораторъ А. Ф. Дмитриевъ.

Оркестръ изъ 20 человекъ подъ управленіемъ В. И. Ивановскаго.

Администраторъ Г. И. Вестеръ.

Директоръ театра А. В. Амфитеатровъ.

Въ конторъ журнала „Театръ и Искусство“ продаются слѣдующія пьесы:

„Трильби“. Ц. 1 р. 50 к., „Водоворотъ“ В. Авсеенко. Ц. 1 р. 50 к., „Катастрофа“ А. Будищева и А. Федорова. Ц. 1 р. 50 к., „Наканунъ“ А. Плещеева. Ц. 60 к., „Нѣтъ худа безъ добра“ Пальеропа. Ц. 50 к., „Влюбленная“ др. Марко-Прага. Ц. 1 р. 50 к., „Ночь“ шутка Немвродова Ц. 50 к., „Мопискъ“, шутка въ 1 д. Б. Бентовина. Ц. 60 к., „Вѣрайртенъева“.. др. въ 3 д. Н. А. Лухмановой. Ц. 1 р. 50 к., „Якорь спасенія“ (Ma cousine) Ц. 1 р. 50 к., „Трудовой день“ ком. въ 1 д. Ц. 60 к., „Облачко“. Ц. 60 к., „Между дѣломъ“ др. въ 2 д. Роветта. Ц. 1 р. „Волшебная сказка“ Ц. 2 р. „Маріавна Ведель“ Ц. 1 р. 50 к., „Золотая Ева“. Ц. 1 р. 50 к.

Выписывающіе изъ конторы за пересылку ничего не платятъ. При выпискѣ пяти пьесъ дѣлается уступка въ 30%.

НОВАЯ КНИГА

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ поступила въ продажу новая книга:

повѣсти и разсказы

Вл. А. ТИХОНОВА.

„Разбитые кумиры“.

Дозв. ценаурою. С.-Петербургъ, 26 сентября 1898 г.

ПРОДАЕТСЯ ВЪСѢДЪ.

Нѣжность и свѣжесть лица
Пуховка - ЮностиКОСМЕТИКА В. ЛИПШЕ
Замѣнить лучшую пудру, пуховку, пудреницу и зеркало

Примененіе № 310.

Новая книга

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

ГРАФЪ де-РИЗООРЪ

(PATRIE)

Драма В. Сарду. Переводъ Н. В. Арбенниа.
(Пьеса безусловно разрѣшена къ представленію).

Иллюстрированное изданіе журнала

„Театръ и Искусство“,

съ портретами исполнителей и рисунками съ декораций при постановкѣ на сценахъ Императорскаго Московскаго Малаго театра и театра Литературно-Артистическаго Кружка.

Цѣна 1 р. 25 к.

Складъ изданія: Редакція „Театръ и Искусство“, Спб. Моховая, 45.

Въ МИНСКѢ губ.

Въ МИНСКѢ губ.

УСТРОЙСТВО КОНЦЕРТОВЪ

принимаетъ на себя вновь открытый музыкальный магазинъ

З. Б. ПРОТАСА.

Адресъ для писемъ и телеграммъ: Минскъ — Протасу.

Громадный выборъ РОЯЛЕЙ, ПИАНИНО, НОТЪ и МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ.

№ 178(В-3).

ДЛЯ ПОРТРЕТОВЪ

рамки кожанія, плюшевыя, багетныя, портфели, бумажники, портмоне и проч. изготовляю всевозможныхъ фасоновъ, а также принимаю въ починку. Заказы исполняю добросовѣстно и по самымъ дешевымъ цѣнамъ.

Новая Деревня, Коломяжская ул., д. № 37. Фуглярный мастеръ.

2-2

БЕРЕЗОВЫЙ КРЕМЪ

для нѣжности и свѣжести лица.

косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

Цѣна за фаянсовую банку 1 р., съ пересылкою, 1 р. 50 к.

Для предупрежденія отъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на подпись А. Энглундъ, красными чернилами и марку с.-петербургской косметической лаборатории. Получать можно всездѣ. Главный складъ для всей Россіи А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Михайловская площ., № 2. (г.)